

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПРОПАВШИЙ

A circular vignette showing a person walking away on a path through a tunnel. The path is illuminated by a bright light at the end of the tunnel, creating a strong silhouette effect. The ground is covered with fallen leaves.

МЭРИ ТОРДЖУССЕН

Annotation

Ханна Монро поздним вечером возвращается домой, к своему возлюбленному Мэтту Стоуну. Но Мэтт исчез. Исчез без следа. В буквальном смысле слова: вместе с ним пропали не только его личные вещи, но и каждое сообщение, каждая фотография, каждое упоминание о нем в соцсетях. Будто и не было такого человека. Ханна готова пойти на все, чтобы найти Мэтта. Но чем больше она пытается узнать о произошедшем, тем сильнее ее затягивает в круговорот событий. И постепенно Ханна понимает: единственный выход из ситуации – принять шокирующую правду...

Мэри Торджуссен Пропавший

Mary Torjussen
GONE WITHOUT A TRACE

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

- © Mary Torjussen, 2016
- © Перевод. И.Л. Моничев, 2016
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящается Роузи и Льюису, маме и памяти отца.
С любовью*

В тот день, поднимаясь по дорожке к своему дому, я пела. Действительно пела. В голос. Сейчас при одном воспоминании об этом меня начинает подташнивать.

Я участвовала в семинаре по повышению квалификации в Оксфорде, покинув Ливерпуль с восходом солнца, в шесть утра, а вернувшись только на закате. Моя должность – старший менеджер в крупной аудиторской фирме, и когда я записывалась для участия в занятиях, успела бегло просмотреть список «студентов» из других отделов, увидев несколько знакомых имен. Я не встречалась с ними лично, но мне доводилось читать о них в бюллетене внутренних новостей, издаваемом нашей компанией. Я знала, что все они занимают высокие должности. Тогда впервые до меня дошло: вероятно, и мне прочат такое же светлое будущее.

От этой мысли мурашки пробежали по коже, но я постаралась ничем не выдать своих чувств, расслабив мышцы лица и превратив его в маску спокойствия, в чем упорно упражнялась уже не первый год. Войдя в конференц-зал, застала остальных уже в сборе. Они стояли группами и беседовали между собой как хорошие друзья. Выглядели они лощеными профессионалами, и казалось, для них это вполне заурядное событие. Мне осталось лишь порадоваться, что я не пожалела целого состояния на свой гардероб, прическу и маникюр. На одной из женщин был точно такой же костюм от Хоббса, как и у меня, но, к счастью, иной расцветки. Другая дама не без зависти посмотрела на шоколадную кожу сумки «Малберри», которую мой возлюбленный Мэтт подарил мне к Рождеству. Я могла вздохнуть полной грудью от облегчения, потому что ничем не отличалась от них. Улыбнулась стоявшей рядом сотруднице, спросила, в каком отделе она работает, и все – я вошла в общий круг, была принята как своя среди своих, и вскоре от первоначальной нервозности не осталось и следа.

В конце дня нашей группе поручили выполнить командное задание, и именно меня избрали для презентации нашей работы собравшимся. Я немного испугалась и провела короткий перерыв одна, в уголке, лихорадочно запоминая тезисы своего выступления, пока остальные оживленно беседовали. Но все прошло гладко. Как только мое основное выступление закончилось, я смогла расслабиться, чтобы потом толково и грамотно ответить на возникшие вопросы, сумев предвидеть, о чем меня спросит следующий участник семинара. Краем глаза заметила в зале Алекса Хьюза, одного из руководителей нашей фирмы, одобрительно кивавшего, слушая меня, а однажды он даже сделал в своем блокноте запись по поводу чего-то, сказанного мной. И когда все стали собираться по домам, Хьюз отвел меня в сторону.

– Ханна, должен отметить, вы хорошо справились с заданием, – сказал он. – Мы присматриваемся к вашей работе и весьма довольны достигнутым вами прогрессом.

– Благодарю вас.

В этот момент к нам подошел Оливер Саттон, исполнительный менеджер компании.

– Превосходное выступление, Ханна. Вы держались блестяще. Колин Джеймисон покидает нас в сентябре, и, думаю, перед вами теперь открыт путь к должности одного из руководителей отделов. У меня такое ощущение, что вы станете самым молодым директором в вашем филиале фирмы, верно?

Я уже забыла, что ответила. Его слова так поразили меня, словно сбывался один из моих самых сладких снов. Разумеется, я знала, в каком возрасте получил свое назначение каждый из директоров, изучив их биографии на сайте в Интернете. Мне тридцать два года, а прежде

самому молодому было тридцать три. Это, кстати, служило хорошим стимулом для моего особого усердия в последнее время.

Организатор семинара хотела с ними поговорить, и Хьюз и Саттон с улыбкой пожали мне руку, прежде чем уделить ей внимание. Я же пошла в туалет, заперлась в кабинке и безмолвно издала торжествующий крик. Это было то, к чему я годами стремилась с тех пор, как окончила университет и меня приняли в фирму на должность секретаря-референта. Но никогда я не трудилась так напряженно, как в последние два года, и вот настал час пожинать плоды приложенных усилий.

Выйдя из кабинки, я взглянула в зеркало и заметила, что лицо у меня покраснелось, словно я целый день провела на ярком солнце. Достала косметичку и постаралась устранить следы перевозбуждения, но щеки все равно сияли от гордости.

Все будет хорошо.

Я потянулась к лежащему в сумочке мобильному телефону, чтобы отправить сообщение Мэтту, но в этот момент в туалетную комнату зашла начальница нашего отдела кадров и улыбнулась мне. Я благодарно кивнула ей и вынула вместо телефона щетку для волос, чтобы привести в порядок прическу. Мне не хотелось, чтобы она заметила, насколько я взволнована, и подумала, что я так взвинчена, поскольку сама не считаю себя достойной повышения.

Кроме того, у меня не возникло желания задерживаться в дамской комнате вместе с ней, и я вернулась в конференц-зал, чтобы попрощаться с коллегами. Решила: сообщу Мэтту новости лично. Мне не терпелось увидеть его радость за меня. Он знал, как я добивалась поставленной цели. Разумеется, праздновать было пока рано – в конце концов, повышения я еще не получила, – но меня поддерживала уверенность, что Оливер Саттон не стал бы попусту разбрасываться обещаниями. Вновь и вновь вспоминая его слова, я ощущала заслуженную гордость.

Сев за руль, подумала об отце и о том, как счастлив он будет за меня. Папа ведь наверняка обо всем узнал заранее от моего босса Джорджа, с которым играл в гольф, но мне хотелось первой поделиться с ним столь приятным известием. И я отправила ему сообщение:

Папочка! Сегодня я на курсах повышения квалификации, и исполнительный менеджер говорит, что они рассматривают мое назначение директором уже через несколько месяцев! Целую.

Через несколько секунд пришел ответ:

Не удивлен. Ты же моя дочь, и вся в меня! Прекрасные новости! Молодец!

Я порозовела от удовольствия. У моего отца собственная фирма, и он часто повторял, что его единственное желание в жизни – мой успех. В вопросах карьеры отец являлся для меня главным источником поддержки, хотя порой огорчал, считая мое продвижение по службе слишком медленным. Телефон издал обычный сигнал, и поступило новое сообщение:

Немного пополнил твой счет. Отпразднуй с шиком!

Я нахмурилась. Не для этого я делилась с ним новостями. И быстро набрала такой текст:

У меня достаточно денег, папа. Не было необходимости делать это. Просто хотела держать тебя в курсе событий. Передай все маме, пожалуйста. Люблю тебя.

И получила в ответ:

Чепуха! Деньги никогда не бывают лишними.

Да, иметь деньги хорошо, подумала я, но лучше бы ты просто позвонил, и запустила двигатель автомобиля.

До дома мне предстояло проехать двести миль, которые я преодолела без единой остановки. Я живу на полуострове Уиррал на северо-востоке Англии, и от центра Ливерпуля меня отделяет только река Мёрси. Вечерний транспортный поток всегда очень плотный, но мне было легко ехать, поскольку маршрут пролегал вдоль широких скоростных шоссе. Путешествие даже показалось коротким. Я все еще сгорала от нетерпения и ерзала на сиденье, репетируя, как подам известие Мэтту, в каких именно выражениях расскажу обо всем. Мне бы очень хотелось выглядеть невозмутимой и бросить как бы вскользь сообщение о своих новых перспективах, когда он спросит, как у меня дела. Но знала заранее, что выпалю все сразу, едва увижу Мэтта.

Доехав до Эллесмир-Порта, который всего в пятнадцати милях от дома, я заметила неоновую вывеску универсама «Сэйнсберис» и решила свернуть к нему. Это был вечер для шампанского. Я взяла бутылку «Моэта», а потом решила прихватить и вторую. Одной маловато, когда у тебя такие потрясающие новости, и к тому же дело было в пятницу: никакой работы утром!

Снова выехав на магистраль, я представила реакцию Мэтта на свое сообщение. Причем я не собиралась ничего приукрашивать. Достаточно повторить сказанное мне Алексом Хьюзом и Оливером Саттоном. Мэтт работал архитектором, и сам вполне преуспевал. Он без лишних подробностей понял бы, насколько важный шаг в карьере мне предстоял. Кстати, и в финансовом смысле тоже – получив повышение, я бы стала зарабатывать не меньше Мэтта. Зная примерный уровень зарплат директоров, я снова заволновалась. Может, мой доход станет даже выше, чем его!

Я погладила свою сумку из натуральной кожи.

– Вас скоро станет больше, моя дорогая, – сказала я. – Придется тебе делить полку с другими. Приготовься.

Но дело было не только в деньгах. Я бы согласилась получать меньше, но все же стать директором. Статус! Он важнее.

Я опустила стекла в окнах машины и позволила теплему ветру трепать свои волосы. Солнце садилось, и небо впереди прочертили яркие алые и золотые полосы. Мой айпод был включен в режим воспроизведения музыки, и я пела песню за песней звучно и громко. Когда группа «Элбоу» исполнила «Необычайный день», я нажала на повтор, а потом гоняла эту мелодию вновь и вновь до самого дома. К моменту прибытия мной снова овладело лихорадочное возбуждение, голос сел, в горле запершило.

Фонари на нашей улице вспыхнули, словно тоже хотели отпраздновать мое возвращение

домой. Сердце стучало от предвкушения событий и от горячего ритма музыки. Бутылки шампанского позвякивали в пакете из супермаркета. Я достала их, чтобы вручить Мэтту в момент своего триумфа.

Припарковавшись на подъездной дорожке, я буквально выпрыгнула из машины. Дом был погружен в темноту. Я посмотрела на часы: половина восьмого. Накануне Мэтт предупредил, что может задержаться, но все-таки я рассчитывала уже застать его дома. Ладно. У меня будет время охладить шампанское в морозильной камере, чтобы пить его прохладным. Я убрала бутылки обратно в пакет, взяла собственную сумку и поднялась к входной двери.

Нащупав выключатель в холле, я щелкнула им и внезапно замерла. У меня возникло тревожное чувство.

Неужели кто-то проник к нам в дом?

Последние четыре года стены холла украшали плакаты, которые Мэтт привез с собой, когда переселился ко мне. Это были крупные портреты джазовых музыкантов и певцов в тяжелых черных рамах. Обычно еще на пороге меня сразу встречал взгляд Эллы Фицджеральд с полузакрытыми глазами, с застенчивой, но полной экстаза улыбкой. Теперь на этом месте не было ничего, кроме ровного слоя кремовой краски, которым мы покрыли холл прошлым летом.

Я уронила свой плащ и сумки на лакированный дубовый паркет и наклонилась, чтобы не дать упасть бутылкам шампанского. Шагнув вперед, осмотрелась. Не осталось ничего. На стене вдоль лестницы обычно висело фото Чарли Паркера, подсвеченное золотистыми софитами. Напротив располагался снимок Майлза Дэвиса. Создавалось впечатление, будто они играют одновременно. Но сейчас оба плаката исчезли.

Я озиралась по сторонам. Нас ограбили? Даже если так, кому понадобились плакаты? Бюро из орехового дерева, купленное мной в «Хилзе», стоило больших денег, но оно оставалось на месте. Поверх него рядом с настольной лампой бросалась в глаза серебряная и украшенная эмалью ваза от Тиффани, подаренная мне родителями в день получения диплома университета. Наверняка любой грабитель заинтересовался бы ею.

Я взялась за ручку двери гостиной. А если там кто-то есть? Вдруг грабители только что забрались в дом? Я подняла с пола сумку и тихо вышла из дома. Оказавшись в безопасности на подъездной дорожке, достала телефон, все еще не понимая, сразу мне звонить в полицию или дождаться Мэтта. Снова взглянула на дом. Если не считать света в холле, повсюду царил темнота. Дом, вплотную примыкавший к моему, тоже не был освещен, но Шейла и Рэй – наши соседи – говорили мне, что вернутся только в воскресенье. А тот, что стоял рядом с противоположной стороны, пару месяцев назад продали хозяева. Другая семейная пара вскоре должна была заселиться туда, но, судя по всему, пока не переехали. Комнаты казались пустыми, и даже шторы на окнах отсутствовали. Напротив начиналась другая улица, дома вдоль которой были больше нашего. Они стояли на значительном удалении от проезжей части, а высокие ограды не позволяли взглянуть на прилегавшие к ним участки земли.

В нашем же доме не наблюдалось никакого движения. Я медленно пересекла лужайку к окну гостиной и заглянула в темную комнату. Если телевизора нет на месте, то нас определенно ограбили, решила я. И вздрогнула. Телевизор действительно исчез. Когда мы съезжались, Мэтт купил огромных размеров плоскую панель с системой объемного звука. Она помещалась на столь же большом стеклянном столе, занимая чуть ли не половину помещения.

Вместо современной панели стоял старый журнальный столик, который принадлежал мне долгие годы, – я перевезла его с собой, покинув родительский кров. А на столике возвышался мой столь же старый телевизор – тоже большой, но никуда не годный, с почти потерявшим цвет экраном, начинавшим мигать во время грозы. Последнее время он находился в гостевой комнате, дожидаясь, чтобы мы наконец решились от него избавиться. Но я, собственно говоря, едва ли обращала внимание на его затянувшееся существование.

Я так плотно прижалась лицом к окну, что оно покрылось испариной от моего дыхания.

Где-то далеко взвизгнула тормозами машина. Я вздрогнула и повернулась, надеясь, что приехал Мэтт. Даже не знаю, с чего это мне взбрело в голову.

Внезапно стало очень холодно, хотя вечер был теплый и безветренный. Я глубоко вдохнула и плотнее запахнулась в жакет. Затем вернулась в дом, тихо закрыв за собой дверь. В гостиной включила люстру и задернула шторы, хотя на улице еще было достаточно светло. Я стояла спиной к окну и осматривала комнату. Над каминной полкой висело большое зеркало, в котором я могла видеть свое лицо, бледное и испуганное. Мне сразу захотелось отвести от него взгляд.

По обе стороны от камина располагались ниши с белыми полками. На них всегда стояли наши книги и диски. На более длинных нижних полках Мэтт держал свою коллекцию виниловых пластинок. Сотни альбомов в строго алфавитном порядке по названиям групп и именам солистов, причем самыми ценными он считал записи наименее известных исполнителей. Мне запомнилось, как в день его переезда пришлось снять с полок множество книг, поместив их в коробки, чтобы освободить пространство для винила.

Все книги снова вернулись на прежние места, словно их никто и не трогал. Пропала большая часть дисков. Виниловых пластинок не было.

Я повернулась и взглянула в другой угол. Проигрыватель Мэтта исчез, как и принадлежавший ему айпод. Зато вернулся мой прежний музыкальный центр. Нигде не было и наушников, купленных им, когда я пожаловалась, что не могу смотреть телевизор из-за его громкой музыки.

У меня задрожали ноги. Я села на диван и опять осмотрела гостиную. Желудок вдруг скрутило так, что мне пришлось чуть ли не согнуться пополам. *Что произошло?* Я не могла решиться осмотреть другие комнаты дома.

Достала из сумки мобильник, хотя знала: не стоит даже пытаться звонить Мэтту. Какой смысл? Он оставил мне сообщение, читавшееся яснее ясного. Но в этот момент гордость не значила для меня ничего. Я просто хотела поговорить с ним, спросить, что случилось. Хотя уже знала. Поняла смысл представшего передо мной зрелища. Догадалась, что именно он сделал.

У меня не значилось в памяти телефона пропущенных звонков, не поступало никаких новых писем или сообщений. Внезапно охваченная гневом – Мэтт мог, по крайней мере, предупредить меня о своих намерениях, как сделал бы любой нормальный мужчина, – я просмотрела список своих последних вызовов, пытаюсь найти его имя и позвонить. Ничего не обнаружив, наморщила лоб. Я точно помнила, как звонила Мэтту несколько дней назад. Я сидела в машине, когда моя подруга Кэти прислала сообщение, что она со своим парнем Джеймсом хочет заехать к нам в гости. Я решила связаться с Мэттом и выяснить, достаточно ли у нас вина. Но в памяти телефона этот звонок не отразился. Я опустила еще ниже по списку. Высветились сотни звонков, сделанных за последние несколько месяцев. Но ни одного звонка Мэтту или от него.

Я закрыла глаза и постаралась выровнять дыхание, но мне это не удалось. Казалось, я близка к обмороку. Пришлось опустить голову на колени. Через несколько минут я снова посмотрела на дисплей, переключилась на «Контакты» и нажала букву М, чтобы отыскать номер Мэтта, но снова не получила нужного результата. Уже охваченная паникой, нажала на С – его фамилия Стоун. Но и она отсутствовала.

Пальцы вдруг стали горячими и липкими, когда я водила ими по дисплею, просматривая сообщения и электронные письма: ни единого, отправленного Мэтту или полученного от него. А ведь мы переписывались по несколько раз в неделю. В последнее время вообще предпочитали обмен сообщениями прямым звонкам. Я могла прочитать письма от друзей и

родителей, свои сообщения Сэму на работу, но ничего, посланного Мэтту. Этот телефон я купила в Рождество на премиальные деньги. И в тот же день отправила Мэтту сообщение. Самое обычное. Я сидела в гостиной, а он находился в кухне. Я попросила его принести в комнату бутылку вина. Мне было хорошо слышно, как Мэтт рассмеялся, прочитав мой текст, а потом принес вино и шоколадный мусс. В тот день мне пришлось готовить рождественский обед для нас и его матери, но взамен Мэтт согласился, что потом я до конца дня уже ничего делать не стану.

Я все же решилась на еще одну проверку и просмотрела свой обмен сообщениями с Кэти. На их просмотр ушло немало времени, поскольку мы с ней тоже переписывались регулярно, но мне удалось добраться до самого первого текста. Я желала ей счастливого Рождества и хвалилась, что Мэтт подарил мне сумку «Малберри». Она изобразила удивление и восторг, хотя я уже знала, что Мэтт консультировался с ней по поводу подарка. До сих пор не пойму, как моя подруга, болтушка, ухитрилась сохранить все в секрете.

Что же произошло с сообщениями и звонками Мэтта?

Я выключила телефон и включила вновь в надежде обнаружить какие-то перемены к лучшему. Но нашла лишь не замеченные прежде тексты от Кэти, отправленные накануне вечером, где она расспрашивала меня о поездке в Оксфорд. Она звонила мне сегодня утром перед началом занятий, желая удачи, зная, как важен был этот день для меня. Несколько минут я разговаривала с ней, сидя в автомобиле на стоянке перед учебным центром, прежде чем зайти внутрь. Остался мой обмен сообщениями с Сэмом, другом по работе, и с Люси, моей помощницей. Нашла я и короткую переписку с папой уже после окончания семинара в Оксфорде всего несколько часов назад. Прочитала приветы от Фрэн и Дженни – старых приятельниц, с которыми продолжаю встречаться, как и от одной из бывших университетских сокурсниц. От Мэтта не было ничего.

Теперь я уже догадывалась, что получится, если попробую открыть свой почтовый ящик с электронными письмами. Никаких уведомлений. Но как раз это не удивило меня. Я уже не помнила, когда Мэтт в последний раз отправил мне письмо. Он всегда предпочитал краткие сообщения. Зато в первые месяцы знакомства мы писали друг другу многословные послания много раз в день. Оба постоянно держали свои компьютерные почтовые ящики открытыми, чтобы поддерживать контакт на протяжении всего рабочего дня. Кстати, это не снижало продуктивность. Мы трудились с утроенной энергией, быстро, вдохновенно, часто приходя к самым простым и гениальным решениям стоявших перед нами производственных задач. И настолько преуспели, что оба получили повышения по службе, а наша любовная переписка оборвалась только после того, как фирма Мэтта ввела запрет на использование рабочих компьютеров в личных целях. Вскрылось, что один идиот постоянно торчал на порнографических сайтах. Но мое сердце сейчас буквально оборвалось, стоило мне просмотреть папки. Та, в какой я хранила все его прежние письма, мои бесценные сокровища, бесследно исчезла. Я открыла окно для написания нового письма и ввела имя Мэтта в адресную строку. В ней ничего не отобразилось.

Я слышала собственное дыхание: частое, отрывистое, чуть хриловатое. Глаза затуманила пелена слез.

У меня не было сейчас другого способа связаться с ним.

Казалось, я лишилась способности двигаться. Сидела на краю дивана, схватившись за живот, будто у меня начались предродовые схватки. Мысли в голове метались, руки тряслись. Когда же свет фар автомобиля появился в конце нашей улицы и стал виден в щель между шторами, я все-таки вскочила и подкралась к стене у окна, чтобы украдкой выглянуть наружу.

Если это Мэтт, то мне нужно подготовиться к его появлению. Но кто-то подъехал к пустовавшему соседнему дому. Дверцы машины распахнулись и захлопнулись. Я слышала, как мужчина что-то сказал, а женщина громко рассмеялась. Выглянув в щелку между шторами, я увидела молодую пару, стоявшую у багажника своего автомобиля. Незаметно для них я наблюдала, как они достали оттуда чемоданы и коробки, а потом занесли в дом. Вероятно, они оставили вещи в холле, поскольку уже через минуту вернулись, сели в машину и укатили вниз по улице. Мои новые соседи, как нетрудно предположить. Я снова посмотрела на часы. Начало девятого. Мне это время показалось немного странным для переезда, но я вспомнила, как моя соседка Шейла рассказывала, что дом купили люди, жившие неподалеку. Может, они собирались перевезти все сами, не прибегая к услугам грузчиков из транспортной компании?

Я набралась смелости и прошла в кухню. Дверь открыла ногой и сразу включила свет. Оглядевшись, застонала и снова закрыла глаза. Пропала репродукция картины Ротко в бордовых тонах, ярким пятном выделявшаяся над дубовой полкой. Не стало подсвечника из светлого металла, который Мэтт привез с собой и зажег в нем свечи в первый вечер после переезда. Помню, как он задул их, прежде чем взять меня за руку и отвести наверх в нашу спальню. Мэтт улыбался мне в своей обаятельной и чуть лукавой манере, невольно заставляя улыбнуться в ответ, привлек к себе в ставшей темной комнате, прошептав на ухо: «Пора отправиться в постель». Я растаяла в его объятиях и прижалась к нему.

При этом воспоминании я содрогнулась.

Задняя часть дома представляла собой единое пространство со стойкой и «островком» из мрамора в виде низкого стола, разделявшими кухню и столовую. Оттуда французские окна выходили в патио, а подоконники двух обычных окон были достаточно широкими, чтобы мы смогли расставить на них растения в горшках и фотографии в рамках. Разумеется, все снимки Мэтта исчезли. Остались только мои фото с Кэти, на которых мы обнимаемся во время многочисленных вечеринок, и еще одна – особенно мной любимая. На ней мы в шапочках Санта-Клауса держимся за руки, и нам обеим по пять лет. Папу и маму я сняла сама во время празднования годовщины их свадьбы, и есть другой снимок родителей с церемонии получения мной диплома, где на их лицах читается не только гордость за дочь, но и облегчение. Групповые фотографии университетских подруг и друзей. Раскрасневшиеся лица и сияющие глаза, поскольку снимались мы в основном в барах и клубах. Они остались нетронутыми. А вот я финиширую после участия в своем первом полумарафоне, пересекая черту, взявшись за руки с Дженни и с Фрэн. Но все изображения, на которых присутствовал Мэтт, кажется, растворились в воздухе, и было даже невозможно определить, где именно они стояли прежде.

Я села у стойки, обхватив голову руками, и осмотрелась по сторонам. Квадратная стеклянная ваза с фиолетовыми тюльпанами находилась на обеденном столе, куда я ее и поставила несколько дней назад. Я зашла в «Теско» за молоком и увидела цветы при входе.

Их плотные, еще не раскрывшиеся бутоны напоминали о приближении лета. В комнате было уютно и чисто, как всегда, но она приобрела несколько поблекший вид, напоминая зал ночного клуба при дневном освещении.

На полках буфета рядом с дверью стало меньше бокалов. Мэтт привез с собой набор для вина из массивного хрусталя, который получил в подарок от бабушки. Мне он никогда не нравился. Я считала его старомодным, хотя сомневалась, что он выглядел красиво, даже когда подобная посуда была в моде, а потому его пропажа сейчас не воспринималась как утрата чего-то ценного и дорогого сердцу. Мои стаканы работы дизайнера Веры Вонг никуда не делись и, выстроившись в ряд, были готовы к празднику. К празднику в комнате, ставшей вдруг почти пустой.

У меня заурчало в животе, и я подошла к холодильнику, заранее зная, что не смогу заставить себя ничего съесть. Содержимое холодильника выглядело таким же, как и в шесть часов утра, когда я уезжала в Оксфорд. Прошлым вечером доставили заказ из супермаркета, где было все необходимое для предстоявшего уик-энда. Продукты остались на месте, но теперь их было в два раза больше, чем могло потребоваться мне одной. Я сделала заказ по телефону с работы, а Мэтт вместе со мной распаковал сумки, ни словом не обмолвившись о том, что больше не прикоснется к этой еде. Я захлопнула дверь холодильника и встала к нему спиной, тяжело дыша и закрыв глаза. Когда дыхание выровнялось, я открыла глаза и заметила пустоты на привинченной поверх плиты магнитной полосе, к которой Мэтт крепил ножи фирмы «Сабатье». Под ней раньше была установлена кофеварка.

Собрав волю в кулак, я открыла дверцы кухонных шкафов. Пакеты с его любимым сортом кофе в зернах пропали вместе с жерновой кофемолкой. Я склонилась чуть ниже и ощутила застоявшийся кофейный аромат. Интересно, долго ли он продержится? Запах – то единственное, что Мэтт не смог забрать с собой. И все же мое сердце вновь забилося учащенно, когда я открыла нижние створки буфета и увидела пустоту там, где обычно стояла его электрическая соковыжималка. В другом отделении бросилось в глаза отсутствие кружек, огромных и уродливых, с нелепыми рисунками. Мэтт купил их еще во время учебы в университете, пока жил в общежитии, потом использовал в своей лондонской квартире, а поудобнее в доме – в моем доме, – и я сейчас жалела, что они не остались здесь, чтобы я могла разбить их вдребезги.

Я снова открыла холодильник и проверила отделения, встроенные в дверцу. Бутылочка кетчупа, к которой я сама не прикасалась, исчезла. Банка арахисового масла тоже. Невелика утрата. Терпеть не могу ни то, ни другое, но зачем понадобилось забирать это? Я осмотрела на всякий случай кухонную корзину для мусора, но там их не оказалось. Все мои бутылочки и баночки переставили вдоль полки так, будто между ними ничего больше не стояло.

Достав из холодильника бутылку белого вина, взяв бокал, я опять села на мраморный «островок». Налила бокал до краев и выпила залпом, затем снова наполнила. При этом я постоянно посматривала на свой телефон, а потом проверяла, действительно ли из его памяти стерт номер Мэтта. Я ничего не понимала. С ним же все было прекрасно накануне вечером! Можно даже сказать, что Мэтт пребывал в отличном настроении. Утром я поднялась рано, чтобы успеть принять душ и подготовиться к поездке в Оксфорд. Выехала с рассветом, опасаясь возможных пробок. И находилась почти в паническом состоянии при мысли, что опоздаю.

Перед отъездом я склонилась над Мэттом и поцеловала в щеку. Его глаза были закрыты, он дышал спокойно и размеренно. Тепло лица Мэтта мои губы ощущали долго. Он мирно

спал или, по крайней мере, мне так показалось. А может, он всего лишь притворялся спящим, а сам только ждал момента, когда выйду из дома? И его глаза широко распахнулись, стоило ему услышать удаляющийся звук двигателя моей машины, а потом он выскочил из постели и начал собирать вещи?

Я заплакала, представив эту сцену. Мы ведь прожили вместе четыре года. Как же Мэтт мог бросить меня, ничего не объяснив? Не поленился поставить мои старые вещи на прежние места? Складывалось впечатление, что он вообще никогда не бывал в этом доме!

Я выпила и второй бокал вина почти до дна, но от этого только еще сильнее расстроилась и разрыдалась. Я любила Мэтта. Любила всегда. С самого начала. Он знал, как много для меня значит, – столько раз слышал от меня об этом! Все свободное время мы проводили вместе. Я взялась за телефон, решив поговорить с кем-нибудь, но сразу положила трубку на место. Мне стало стыдно быть брошенной, причем так унижительно брошенной. Как я могла рассказать кому-то в деталях об уходе Мэтта?

Бутылку и бокал я взяла с собой, поднявшись наверх. Той ночью мне требовалось забыться, а это был самый простой и быстрый способ добиться подобного состояния.

Добравшись до двери спальни, я уже знала, чего ожидать, но все равно один только вид покрывала, свежего и чистого, невероятно расстроил меня. Я сменила постельное белье в прошлое воскресенье и использовала бордовое покрывало, привезенное Мэттом среди прочих своих вещей. Теперь же его не было. Кровать выглядела ослепительно-белой: покрывало, простыни, наволочки – набор из расшитого белого хлопка, купленный мной задолго до нашего знакомства с Мэттом.

Снова собрав волю в кулак, я открыла створки его гардероба. Разумеется, он оказался пустым. Проволочные вешалки болтались на перекладинах, но здесь не осталось даже намека на запах любимой туалетной воды Мэтта. Не было смысла проверять выдвижные ящики, но я все равно сделала это. Пустота. Как в тот день, когда я купила этот платяной шкаф.

Я разделась и бросила свою одежду в корзину для вещей, предназначенных в стирку. При этом наливала вино бокал за бокалом и пила, не ощущая вкуса. Из нижнего ящика своего прикроватного столика я достала наушники. Они служили мне глушителями шума, когда я не хотела ничего слышать, даже собственные мысли, – как раз то, что мне требовалось в тот момент. Я чувствовала головокружение и жар по мере того, как алкоголь проникал в кровь. Взяв подушку с той стороны постели, где обычно спал Мэтт, я уткнулась в нее. Она пахла свежестью и чистотой. Напрасно было искать на подушке хоть что-то, связывающее ее с ним. Слезы обильно текли по моему лицу, и сколько бы раз я ни протирала его, через несколько секунд оно снова становилось мокрым. Когда я представляла, как Мэтт тщательно собирает вещи, чтобы оставить меня, без единого слова объяснения, без всякого предварительного намека, что может уехать, мое сердце будто с силой сжимал невидимый кулак. Я едва дышала.

Где же он мог быть?

Я проснулась посреди ночи. Во рту было кисло, глаза распухли от слез. Я крепко сжимала ножку своего бокала, а вторая половина постели, где всегда спал Мэтт, пропиталась разлитым вином. В воздухе стоял устойчивый запах перегара, и я вдыхала эти выветрившиеся алкогольные пары. Мой желудок взбунтовался. Пришлось броситься в ванную.

Хотя я должна была успеть подготовиться к этому и не реагировать особенно остро, меня охватила глубокая печаль при виде своей зубной щетки, оставшейся в одиночестве. Я смотрела в раковину, пока чистила зубы и умывалась, намеренно не глядя туда, где зияли пустоты вместо бритвенных принадлежностей Мэтта, на крючок, где еще накануне висел его халат, на углубление в полке, куда он ставил гель для душа и шампунь. Но при этом я уже чувствовала себя по-другому, словно все изменилось. Другой стала я сама. У меня раскалывалась голова, глаза покраснели от плача, но этим ощущения не исчерпывались. Болела каждая мышца, грудь стянуло обручем, мешавшим дышать. Казалось, я серьезно заболела чем-то вроде гриппа.

Я вышла на верхнюю лестничную площадку, чтобы спуститься и налить себе стакан воды, но замерла, вновь заметив отсутствие плакатов на стенах в холле. Не сумев заставить себя справиться с эмоциями, я вернулась в постель.

Только через несколько часов я смогла поговорить с Кэти. Она была единственным человеком, кому я могла довериться и все рассказать. Мы дружили с пятилетнего возраста, сидели рядом на уроках в школе. И с тех пор прошли вместе через очень многое. Я знала: Кэти не будет осуждать меня и не пристанет с расспросами. С Мэттом она тоже была близко знакома и не могла не понимать: случившееся явилось для меня полнейшей неожиданностью. Даже зная, что еще слишком рано для выходного дня и Кэти едва ли проснулась, я все же послала ей сообщение:

Мне необходимо поговорить с тобой. Ты уже встала?

В ожидании ответа я проверила «Фейсбук». И снова у меня сердце оборвалось, когда я подумала, что Мэтт «заблокировал» меня. Но затем я провела поиск по его имени. Мэтт вообще не фигурировал в этой социальной сети. Наверное, просто закрыл свою страничку, решила я. Я поискала сообщения, которыми мы обменивались, но вся наша переписка оказалась удалена. Как могло произойти такое? И мои собственные папки с нашими совместными фото постигла та же участь! Я быстро зашла в «Твиттер», в «Инстаграм» и в «ЛинкедИн». Ни на одном из сайтов Мэтт не был зарегистрирован.

Кэти, вероятно, легла накануне очень поздно, потому что прошло больше часа, прежде чем я получила от нее ответ. Лежа на кровати, я выстукивала пальцами дробь по матрасу и так напряженно думала, куда он мог деться, что головная боль стала почти невыносимой.

Собираюсь в гости к маме. Могу позвонить тебе позднее?

При мысли, что придется еще очень долго оставаться с проблемой один на один, мне не удалось сдержать нового потока слез.

Прошу тебя, Кэти! Мэтт бросил меня. Можешь приехать?

Последовала долгая пауза. Я вообразила ее лицо, изумление от подобной новости. В конце концов, мы же столько лет были близки. Наконец она ответила:

Он уехал? Дай мне полчаса.

Я лежала, свернувшись калачиком в полутемной комнате, не в состоянии даже раздвинуть шторы. И хотя я почистила зубы, вкус выпитого предыдущим вечером вина ощущался где-то в глубине гортани, его запахом пропитались простыня и подушка. От меня отвратительно воняло. Я потеряла контроль над собой. Нельзя, чтобы Кэти застала меня в таком виде.

К ее приезду я успела принять душ и сменить постельное белье. Распахнула окна, раздвинула шторы. Но, несмотря на повторную чистку зубов, во рту осталось неприятное послевкусие.

– Что стряслось? – спросила Кэти, как только я открыла дверь.

Мои глаза мгновенно наполнились слезами, и я порывисто смахнула их.

– Вчера вечером я вернулась с работы, а Мэтта уже не было. Он уехал, забрав все свои вещи.

– Все вещи?

Я кивнула:

– Да. У него на сборы должно было уйти несколько часов, не меньше.

– Ханна! – Кэти обняла меня.

Я прильнула к ней, ощущая тепло ее тела, сладковатый аромат духов, чувствуя, как нежные губы прикоснулись к моей щеке, когда она поцеловала меня.

– Давай же! Рассказывай обо всем!

Мы сели в кухне у открытых французских окон, и свежий воздух из сада наполнил помещение. Я заварила чай, но меня одолевала тошнота при мысли о необходимости что-нибудь съесть. Я смотрела на гладкую блестящую отделку кухонной мебели, и возникала иллюзия, будто все нормально, и Мэтт никуда не уехал. Кэти оглядывалась по сторонам, словно могла заметить нечто, упущенное мной.

– А что наверху? – спросила она.

Я нахмурилась:

– То же самое. Он забрал все свои вещи.

– Ты звонила ему? Хочешь, я с ним поговорю?

Я с трудом сглотнула.

– Ничего не получилось. У меня нет его номера.

– Как?

– Он удалил его, – объяснила я. – Стер из памяти телефона все: почту, сообщения.

Кэти встала, подошла ко мне и снова обняла.

– Бедная моя, – промолвила она, и я всхлипнула. Вскоре я уже рыдала. Кэти держала меня в объятиях, поглаживая по волосам. – Но ничего. Все будет хорошо. Ты сумеешь с этим справиться.

За годы нашей дружбы она едва ли вообще видела меня плачущей. Я постаралась

успокоиться. Мне стало стыдно за свое поведение.

– Да. Это просто следствие внезапного шока.

– Ты не помнишь его номера?

Я покачала головой:

– У него был один и тот же номер со дня нашего знакомства. Как только я занесла его в память телефона, отпала необходимость помнить наизусть.

– Со мной та же история, – заметила Кэти. – Я не помню ни единого телефонного номера. Даже не обращаю на них внимания. Подожди! Джеймс должен знать его.

Она достала мобильник и позвонила своему возлюбленному. Через минуту он скинул ей номер.

– Скрой свой номер, – посоветовала Кэти. – Он может не ответить, если поймет, что звонишь ты.

Я хотела сказать ей в ответ что-то резкое, но потом признала ее правоту, и я набрала номер Мэтта.

«Вызываемый вами абонент недоступен», – сообщил мне механический голос.

Я покраснела от стыда.

– Кажется, он сменил телефон.

– Попробую со своего, – предложила Кэти.

Она набрала номер и включила громкую связь. Мы услышали такой же ответ, и она дала отбой.

– Ты действительно не замечала никаких признаков, что Мэтт собирается уйти от тебя?

Я покачала головой.

– Впрочем, теперь вспоминаю, как на прошлой неделе он пару раз спрашивал, в котором часу я вернусь из Оксфорда. Я идиотка. Мне-то казалось, что ему хочется видеть меня как можно раньше. «Перестань постоянно спрашивать об одном и том же! – сказала я ему. – Не волнуйся, я вернусь не поздно!» А ему всего лишь нужно было знать, каким временем он располагает.

Казалось, Кэти не знала, как меня утешить.

– Вы с ним не поссорились? Он не стал подолгу задерживаться на работе без особых причин?

– Не происходило ничего из ряда вон выходящего. – Слезы опять навернулись на глаза. – Я считала, что у нас с ним все в полном порядке.

– А как насчет... постели? Тоже полный порядок?

Я вытерла глаза. На пальцах остались следы растекшейся туши, и я оторвала кусок бумажного кухонного полотенца.

– Все было прекрасно, – выдавила я. – У нас всегда все было прекрасно.

Кэти сидела молча, а потом взяла меня за руку.

– Он сволочь, – заявила она. – Просто невероятная сволочь.

– Да.

Она встала, чтобы вымыть под краном свою чашку.

– Как ты думаешь, куда он уехал? Есть какие-нибудь соображения?

Внезапно мне захотелось побыть одной.

– Оставим эту тему, Кэти. Я понятия не имею, где Мэтт. И мне наплевать на это.

Однако, несмотря на столь смелое заявление, как только Кэти ушла, я провела

несколько часов, пытаясь разыскать в Интернете номера телефонов его друзей, коллег, членов семьи. Мне стало ясно: покоя не будет, пока я не найду Мэтта.

Он работал архитектором в крупной местной компании. В выходные дни их офис обычно был закрыт, хотя иногда по субботам Мэтт ездил туда, чтобы еще раз взглянуть на проект, над которым трудился. Позвонить ему туда я могла только в понедельник. Разумеется, номера его рабочего телефона в памяти моего телефона тоже больше не было. Я даже не помнила, когда в последний раз звонила ему туда, но твердо знала, что сама не удаляла номер из списка контактов. Мэтт сделал это сам.

В начале нашего знакомства я названивала ему в обеденный перерыв каждый день, и он отвечал мне с напускной формальностью в голосе: «Добрый день, мисс Монро. Подождите секундочку. Я выйду из здания». Потом он выбирался на стоянку к своей машине, и мы проводили отведенный на ланч час, возбужденно обсуждая, что делали прошлым вечером и как хотели провести предстоящий вечер. Конечно же, такие разговоры стали происходить реже и длиться меньше после его переезда ко мне, и мы чаще ограничивались сообщениями, что было быстрее. И все равно за последние несколько месяцев мы не раз обменялись звонками.

Куда бы я ни посмотрела, всюду замечала следы исчезновения Мэтта. Прежде я не обращала внимания, как много у него было личных вещей, насколько наш дом – мой дом, напоминала теперь я себе, – был буквально заполнен его имуществом. Я лежала на кровати с закрытыми глазами, но стоило мне открыть их, как я отмечала очередную пропажу. Будильник. Радиоприемник. Все, что считалось принадлежавшим ему одному.

Мною владело одно чувство – унижение. Щеки по-прежнему горели, но не от ощущения несправедливости, хотя это тоже обжигало душу, а от непостижимого стыда, непонимания, почему лучшим способом покинуть меня Мэтт счел тайный побег, пусть и среди бела дня. Я закуталась в покрывало. В голове теснились бесчисленные вопросы, которые я хотела бы задать. Но поговорить с Мэттом не было возможности. По крайней мере, в тот момент.

Я так и пролежала целый день и лишь с наступлением сумерек сумела немного успокоиться. В темноте я больше не видела признаков его ухода. И если бы я оставалась в таком же положении, зафиксировав взгляд на свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах, то могла притвориться, что Мэтт по-прежнему здесь. Лежит у меня за спиной и молчит. Просто лежит рядом.

В понедельник я приехала на работу в ужасном состоянии. Остаток уик-энда прошел тихо. После ухода Кэти я больше ни с кем не виделась. Мои подруги Фрэн и Дженни прислали сообщение, спрашивая, не хочу ли я встретиться с ними в воскресенье утром, но у меня ни на что не хватало сил, и уж тем более я не в состоянии была рассказать им о Мэтте. Я ответила: в воскресенье занята, свяжусь с вами позднее. Мама тоже интересовалась, не хотим ли мы с Мэттом пообедать у них в воскресенье, но и ей я повторила то же самое: «Извини, очень занята». Она восприняла это по-своему, как прозрачный намек, и оставила меня в покое.

Я не хотела никого видеть, но одновременно не желала находиться в одиночестве. Атмосфера в доме была удушливой от попыток разобраться в себе, осознать, в чем я виновата, как и от постепенно копившейся злости. Поначалу телевизор и радио помогали мне заглушать звучащие в голове голоса, но потом я вдруг испугалась и отключила все. Мне нужно было слышать эти голоса на случай, если они сообщат мне нечто, что важно знать.

Когда будильник разбудил меня в семь утра в понедельник, я лежала в той же позе, в какой устроилась в семь часов вечера накануне. Я скрючилась, кожа на лице стала сухой и словно потрескалась, зато подушка промокла от слез.

Я с трудом собралась с силами, чтобы отправиться в тот день на работу, но после семинара в Оксфорде нельзя было позволить себе сорваться. После чуть теплого душа я оделась и воспользовалась карманным зеркальцем, чтобы наложить макияж – так можно было сосредотачиваться поочередно на какой-то одной части лица и не видеть при этом своих глаз.

Уже на полпути к зданию своей компании вдруг вспомнила, что не проверила мусорные баки в саду на заднем дворе. И хотя мусор даже не собирались вывозить в понедельник, но я развернулась в неполюженном месте, заслужив гневный хор клаксонов от других водителей, и помчалась назад. Поспешно выскочив из машины, вынуждена была кивнуть Рэю, выглянувшему из окна соседнего дома, и через калитку заднего двора вошла в сад.

С напряженным ожиданием я поднимала крышки баков. Даже не знаю, что я надеялась обнаружить в них. В зеленом баке сиротливо лежал небольшой мешок с мусором, и я вспомнила, как сама наполнила его после уборки в кухне в четверг вечером. С тех пор туда больше никто ничего не выбросил. Я обследовала остальные баки, не забыв даже о садовом, но картина везде выглядела одинаково – все они были пусты. Посмотрев на часы, я вздрогнула. Если не потороплюсь, то опоздаю.

Прибыв на рабочее место, я оставила записку своей помощнице Люси, предупредив, что у меня болит голова и чтобы меня, по мере возможности, не особо беспокоили. Оказавшись в безопасности своего кабинета, я сняла трубку и позвонила на работу Мэтту. Мне ответила женщина из их приемной, голос которой звучал скучно и устало:

– Доброе утро! Это фирма «Джон Деннинг и партнеры». С вами говорит Аманда. Чем могу быть полезна?

Я с трудом сглотнула, а когда заговорила, то мой голос приобрел странную интонацию, будто я ни с кем не общалась уже много дней. Отчасти так оно и было.

– Доброе утро! Не могли бы вы соединить меня с Мэттью Стоуном?

– Подождите, пожалуйста, – сказала она и через несколько секунд добавила. – Извините,

но у нас нет сотрудника, которого зовут Мэттью Стоун.

– Попробуйте в таком случае найти в списке просто Мэтта, – попросила я. – Не уверена, как он предпочитает, чтобы его звали на работе, Мэттью или Мэттом.

Я услышала щелчок компьютерной мыши, а затем ее голос:

– Боюсь, в нашей фирме не работает человек с такой фамилией.

– Вы уверены? Он – один из ваших архитекторов.

– Простите, я здесь недавно и не знаю по именам всех сотрудников. Но в базе данных он не значится.

Сквозь стеклянную дверь кабинета я видела, как появилась Люси и прочитала мою записку. Она сочувственно улыбнулась мне и жестом предложила что-нибудь попить, но я покачала головой и уставилась в монитор своего компьютера, дождавшись, чтобы помощница заняла рабочее место спиной ко мне.

Все утро я делала вид, будто работаю. Перебирала бумаги, просматривала на экране тексты документов, читала входящие электронные письма, но рассеянно, не в состоянии сосредоточиться, и уже через минуту не могла вспомнить прочитанное. Одни и те же мысли упрямо вертелись в голове. Где же он? Почему ни о чем мне не сказал? Зачем удалил все данные о себе? Но мысли могли вращаться в мозгу до бесконечности, я была не способна найти ответ ни на один из своих вопросов.

В итоге я позвонила начальнику Мэтта.

– Извините, – небрежно ответил он, – но Мэтт уволился из нашей фирмы неделю назад.

Сердце бешено заколотилось в моей груди, и я опять испугалась, что могу упасть в обморок. Я вспомнила, как Мэтт каждое утро надевал деловой костюм и уезжал из дома на работу, а вечером охотно делился событиями дня.

– Значит, он больше у вас не работает? – задала я вопрос, прозвучавший глупо.

– Нет, не работает. Нам временно пришлось передать его проекты Дэвиду Уолкеру. А вы наш клиент? Возникла какая-то проблема?

– Нет никаких проблем. Не могли бы вы мне сказать, куда он перешел?

– Извините, но мы не можем делиться ни с кем подобной информацией.

Я положила трубку и снова уперлась взглядом в дисплей компьютера. Мне доводилось читать в газетах о людях, которые в семьях делали вид, будто продолжают работать, уже уволившись, но всегда считала это признаком какого-то нервного расстройства. И если бы Мэтт так поступал, я бы, наверное, то же самое подумала о нем. Но, вспомнив, как тщательно он уничтожил все следы своего пребывания в нашем доме, я поняла, что имею дело с совершенно иным случаем. Он явно не подавал признаков нервного расстройства, предоставив пережить его мне самой.

Разумеется, я не могла скрыть новость об исчезновении Мэтта от Сэма. Мы с ним начали работать в должности ассистентов примерно в одно время, сразу после получения дипломов университета. Трудились в разных отделах, и наши офисы находились по противоположные стороны огромного открытого производственного пространства. У нас не сложилось традиции часто встречаться в выходные дни, хотя порой мы с Мэттом летом приглашали его с подружкой Грейс на барбекю, и сами побывали у них в гостях несколько раз. Зато на работе мы с Сэмом поддерживали тесные дружеские отношения, помогали друг другу в случае необходимости. Я всегда полностью доверяла ему.

Еще утром в тот день он прислал мне электронное письмо: «У тебя такой вид, будто ты немного перетрудилась. Встретимся в кафетерии?»

Я выглянула из двери своего кабинета. Сэм стоял в проходе и смотрел в мою сторону. Я помахала ему рукой. Он вернулся к себе и вышел снова уже в пиджаке.

– С тобой все в порядке? – сразу спросил Сэм, как только мы сели за столик в кафетерии. Затем принес поднос и поставил передо мной чашку чая и стакан с водой. – Ты очень бледная сегодня. Что-нибудь случилось? Или просто похмелье?

Я усмехнулась:

– Не совсем так, хотя, если честно, я действительно перепила в выходные.

С благодарностью приняв чай, я пристально посмотрела на Сэма, все еще не решив, довериться ему или нет. Ненавижу людей, которые лезут в мою личную жизнь, но я твердо знала, что Сэм распускать слухи обо мне не станет.

– Это должно остаться строго между нами. Обещаешь?

– Конечно, – кивнул он.

– Дело в Мэтте. Он бросил меня. И я не представляю, где он сейчас.

Сэм несколько минут молчал. Уж не знаю, каких дурных новостей он мог ожидать, но точно не этой.

– Ничего себе! – наконец воскликнул он. – Вот уж сюрприз так сюрприз. Что произошло? Вы серьезно поссорились?

Я достала из сумки таблетки от головной боли и запила их водой из стакана.

– В том-то и проблема, что нет. Мы с ним вообще не ссорились. Но когда в пятницу я вернулась из Оксфорда, то обнаружила, что он съехал.

Я пока не собиралась вдаваться в специфические детали его отъезда, сообщать, что в доме не осталось ни одной из принадлежавших Мэтту вещей.

– А его друзья? Ты у них не спрашивала, где он?

– Все его друзья – коллеги, – ответила я. – Иногда мы ходили в рестораны с ними и их подружками, но у меня нет ни одного номера телефона. В основном мы проводили время с Кэти и Джеймсом. Если я была занята на работе, Мэтт отправлялся в паб, чтобы повидаться с давними приятелями, но не могу же я пойти туда и начать выяснять у них, где он?

– У него есть странички в «Фейсбуке» или в «Твиттере»?

– Были, – сказала я, почувствовав, как задрожал мой голос, и поспешно допила воду. – Везде были, но он все удалил.

Сэм достал свой сотовый телефон:

– Напомни мне его фамилию.

– Стоун.

Он снова на несколько минут замолчал, набирая текст на дисплее. Сэм морщился и начинал заново.

– Я подумал, он мог «блокировать» только тебя, – объяснил он, – но действительно его данных нет ни в одной из сетей. – Сэм положил телефон в карман и стал пить кофе. – А ты не можешь позвонить ему на работу?

– Мэтт и с работы ушел.

– Что? Мне казалось, ему там нравится.

Я промолчала. Да, ему действительно нравилась его работа. Да и сам он, обладая легким характером, располагал к себе людей. В той фирме Мэтта все устраивало. Но теперь приходилось иметь в виду и другое: я ведь думала, что и дома он был вполне доволен жизнью и даже счастлив.

– И ты понятия не имеешь, куда он перешел от них?

– Нет. Ни малейшего, – призналась я.

– А среди его знакомых нет ли кого-нибудь с криминальными наклонностями? Может, он поэтому скрывается?

– Мэтт? Невероятно! Совершенно не в его духе.

– Знаю, он сам не принадлежит к подобным типам, но случайности возможны. Он не мог крупно задолжать, например?

– Сомневаюсь. Пару недель назад я брала его кредитную карточку, чтобы снять немного денег через банкомат, и у него был положительный баланс в несколько тысяч долларов. Кроме того, насколько мне известно, Мэтт отложил приличную сумму наличными, но его текущий счет оказался бы пуст, набери он долгов, не так ли?

– Да. А он не мог стать невольным свидетелем чего-то? Присутствовать при совершении убийства или иного преступления, столь же опасного?

Я в изумлении уставилась на Сэма:

– Ты предполагаешь, что его спрятали по программе защиты свидетелей? Думаешь, они защищают Мэтта, чтобы он смог дать показания в суде? И он ни словом не обмолвился мне об этом?

Сэм выглядел немного смущенным.

– Я ничего не берусь утверждать, не говорю, что произошло нечто подобное. Просто перебираю все возможности.

– Он бы непременно со мной поделился. Но... Ты считаешь, мне следует обратиться в полицию?

– Только в том случае, если, по твоему мнению, с ним могло случиться несчастье. – Сэм заметил, насколько я встревожена, и поспешил мягко добавить: – Но, судя по всему, Мэтт действительно ушел от тебя, Ханна. Полиция ничего не изменит. Он не прихватил твоих вещей, я надеюсь?

Покачав головой, я ответила:

– Он увез только свои, и больше ничего.

– В таком случае не следует привлекать полицию. Вероятно, Мэтт переехал к своей мамочке. Именно так все и делают. Отправляются туда, где им всегда рады.

– Он бы к ней не переехал.

К счастью, Сэм не спросил, откуда мне это известно, потому что уверенности ни в чем у меня не было. Но ведь Мэтт покинул родительский дом в восемнадцать лет, а сейчас он

вдвое старше. Разве мог он вернуться жить с матерью?

– Но есть и хорошие новости, – сказала я с напускной оптимистической интонацией. –

Меня скоро могут назначить директором!

Лицо Сэма расплылось в широченной улыбке:

– Великолепно! Я знал, что ты добьешься повышения раньше меня.

– Давай подождем, когда это случится. Пока никаких решений не принято.

– Не важно. Расскажи мне обо всем. Что они тебе пообещали?

Следующие десять минут мы провели, анализируя подробности моего разговора в Оксфорде, но факт оставался фактом: я бы легко отказалась от нового назначения, если бы смогла вернуть Мэтта, и сочувственный взгляд Сэма доказывал, что он это понимает.

Когда я сидела в кабинете и бессмысленно смотрела в окно, Сэм снова навестил меня.

– Скажи мне, Ханна, вы с Мэттом выплачивали совместно ипотеку?

– Почему у тебя вдруг возник подобный вопрос?

– Потому что ты не сможешь урегулировать выплаты, не зная, куда он делся.

Я покачала головой:

– Дом целиком принадлежит мне. А своими финансами каждый распоряжался самостоятельно.

До встречи с Мэттом я прожила в доме много лет, сохранив его в собственности, а он лишь давал мне деньги на оплату ежемесячных счетов за коммунальные услуги. Дом купил мне отец. Это была взятка с его стороны, чтобы я почувствовала себя обязанной сдать все экзамены с первого раза и получить диплом бухгалтера, то есть весьма достойную, с его точки зрения, профессию. Порой я понимала, насколько мне повезло, но в иные дни, когда работа действовала мне на нервы, фантазировала, как могла бы сложиться моя жизнь, сделай я выбор сама.

– У Мэтта тоже есть дом, но в Лондоне, и он сдает его, – добавила я. – Успел купить и обустроить жилье буквально накануне переезда на работу сюда. Ты должен помнить. Когда мы с ним встретились, он все еще продолжал жить там, а я каждые выходные ездила к нему.

Мой голос дрогнул при воспоминании о поездках в Лондон по пятницам. Я отправлялась на вокзал прямо из офиса, с дорожной сумкой, надев свое самое красивое нижнее белье, хотя знала, что Мэтт сорвет его с меня уже через пять минут после моего появления. Те уик-энды мы всегда проводили счастливо, как маленькие медовые месяцы. Через несколько месяцев Мэтт начал подыскивать себе работу в Ливерпуле.

– Я думала, что мы поженимся, а потом продадим оба наших дома и купим новый, большой. Мы часто обсуждали с ним подобную перспективу.

Но тут я осеклась, потому что до меня дошло – я не помнила, когда мы разговаривали на эту тему в последний раз. Мэтт изучал цены на недвижимость в нашем районе несколько месяцев назад, в канун Рождества, но стоило мне предложить ему продать свой дом, он ответил, что делать это сейчас неразумно. Цены поползли вверх, а если бы он продолжил сдавать свое жилье еще какое-то время, то смог бы полностью выплатить ипотеку. Я не стала с ним спорить. Мне и в голову не приходило, что у Мэтта могли быть особые причины не расставаться со своей собственностью. Но какой смысл думать об этом сейчас? Он приводил убедительные аргументы спокойным тоном, и не возникало ни намек на то, будто он строит какие-то свои планы, собирается сбежать от меня.

– А ты не считаешь, что Мэтт мог перебраться обратно в Лондон, если у него там по-

прежнему жилью?

– Едва ли, – ответила я. – У него договор со съемщиками еще на год. Они продлили его месяц назад.

И все же, как только Сэм вернулся к себе, я позвонила по номеру городского телефона Мэтта в Лондоне. Я ни разу не вспоминала этот номер со дня переезда Мэтта ко мне, но он с легкостью всплыл в моей памяти. Мне запомнился сам по себе ритм, который я выстукивала по кнопкам аппарата, и радостное возбуждение, возникавшее при каждом звонке. Когда ответила девушка, снимавшая дом и говорившая с бруклинским акцентом (где-то на заднем плане раздавался плач ее ребенка), я просто повесила трубку.

Я не ошиблась. Мэтта там быть не могло.

Домой я возвращалась в подавленном настроении. Задержалась на работе как можно дольше, пока не остались в помещении одни лишь уборщицы. Я заметила, как одна из них бросила на меня взгляд, исполненный жалости. Но не могла же она знать, какой стресс я переживаю? А меня раздражала необходимость работать и одновременно соображать, где еще попытаться найти Мэтта. Женщина отвела взгляд и чуть покраснела, но мне этого оказалось достаточно. Не хватало еще, чтобы посторонние люди жалели меня! Я отодвинула кресло и взяла плащ. Продолжу строить догадки дома.

Я открыла дверь, чувствуя себя взломщиком, незаконно проникнувшим в чужое жилище. Отопление было отключено, и, хотя уже заканчивался апрель, воздух внутри был прохладный. Пока Мэтт жил здесь и возвращался с работы раньше меня, я входила в ярко освещенный и шумный дом. В одной из комнат звучала музыка, в другой работал телевизор, а радио в ванной наверху оставалось включенным, даже если там никого не было.

Услышав, что я пришла, Мэтт выходил в холл, чтобы поцеловать меня. Мы садились в кухне и обсуждали события дня, потом смотрели какой-нибудь фильм, слушали музыку или вместе с Кэти и Джеймсом отправлялись в паб пропустить по стаканчику. Сегодня дом казался темным и мрачным, потому что я осталась в нем одна. Я переходила из комнаты в комнату, включая везде свет, настроив телевизор на какую-то программу, но, как ни старалась, ощущение пустоты не исчезало. Полной пустоты. Словно я тоже была всего лишь пустым местом.

Я включила отопление в гостиной и села на диван, закутавшись в плед, чтобы согреться. По телевизору показывали очередную серию «Коронейшн-стрит», и я неожиданно кое-что вспомнила. До знакомства с Мэттом я пару лет ни с кем не встречалась и вечерами часто сидела в такой же позе, смотрела телевизор, не вникая в суть происходящего, и мечтала начать иную жизнь. Лучшую жизнь.

Когда же мы с Мэттом впервые встретились, все вокруг утратило сумрачный цвет, внезапно заиграв полной палитрой красок. Я больше не чувствовала себя одинокой, и, наверное, одного этого стало бы для меня достаточно, чтобы полюбить Мэтта. Если раньше в доме что-нибудь ломалось, я не знала, что делать. Могла провести целый вечер в раздумьях, стоит ли попытаться заняться ремонтом самой (безнадежное дело) или все же заплатить кому-то за починку. Но кого вызывать? И сколько денег с меня возьмут? Где искать номер телефона? Откуда мне знать, что им можно доверять? Так я могла сидеть часами, обкусывая ногти, надеясь, молясь, чтобы кто-то вдруг появился, помог мне, полюбил меня, наладил бы мое существование.

И вот возник Мэтт и осветил меня своим сиянием. А теперь с его уходом все выглядело даже более тусклым, чем прежде.

Тем вечером я рано легла спать, отодвинувшись как можно дальше от того края, где обычно спал Мэтт, и только свет моего планшета для чтения мерцал между одеялом и простыней. Если бы мне удалось сосредоточиться и лежать очень тихо, я, вероятно, смогла бы вообразить, будто ничего не изменилось.

Я так привыкла к присутствию Мэтта в доме. Он переехал ко мне через несколько месяцев после знакомства. А встретились мы с ним во время отпуска на Корфу. Оба купили

групповые туры и заметили друг друга еще в зале ожидания аэропорта, сидя вместе со своими попутчиками и дожидаясь запаздывавшего, но обещавшего стать, как обычно, буйным и пьяным, перелета в Грецию. В группе с Мэттом летели товарищи по работе, и он стоял среди них, а его лицо казалось напряженным и усталым. Выглядел так, словно действительно нуждался в хорошем отдыхе. Зато его друзья уже начали веселиться от души, намереваясь взять все возможное от кратковременного пребывания вместе и вдали от жен с детьми. Бросалось в глаза, как Мэтт старается поддерживать их жизнерадостную беседу, но его мысли витают где-то далеко.

Вероятно, я слишком пристально смотрела на него, хотя потом отрицала это. Вскоре я заметила, как он сам изредка посматривает на меня, а это всегда забавно, если привлечший твое внимание мужчина притворяется, будто ты его совершенно не интересуешь. В самолете мы сидели в одном ряду через проход. Когда Мэтт отлучился в туалет, мой сосед перебрался в его кресло, чтобы поболтать с приятелем, а вернувшемуся Мэтту ничего не оставалось, как сесть рядом со мной. За несколько минут мы уже успели обменяться информацией, что ни с кем не поддерживаем интимных отношений, а затем выяснили – нас поселили в один отель. Изначально я должна была делить номер с другой девушкой и не могла поверить в свою удачу, когда он оказался в моем единоличном распоряжении. Разумеется, тогда я не догадывалась, как подобное могло произойти.

С того момента мы стали неразлучны.

В то время Мэтт работал в Лондоне, а я – в той же фирме, где и сейчас. Каждый вечер мы часами разговаривали по телефону, а потом наступала пятница, и поезд уносил меня к нему в столицу. Я сходила по нему с ума и надеялась, что он испытывает ко мне те же чувства. Мэтт не сразу признался мне в любви, но я заведомо знала, когда дойдет и до этого. Сама же буквально прокричала о своей любви к нему однажды вечером, лежа с ним в постели, и хотя мы оба зашлись от смеха, я не сомневалась, что он тоже любит меня. Мэтт прижал меня к себе, а я лукаво прошептала ему на ухо: «Это была шутка», но он снова рассмеялся и поцеловал меня. Затем какое-то время ни один из нас больше не заводил речи о любви, но с того вечера наши отношения стали по-настоящему трепетными. Мне даже нравилась сдержанность Мэтта. Он словно специально тянул с этим, и потому я лишь серьезнее воспринимала происходившее между нами. По пути домой из Лондона прислонялась щекой к оконному стеклу, закрывала глаза и воображала, как он скажет, что любит меня.

Но, конечно же, его признание прозвучало неожиданно. Это случилось поздно вечером в пятницу, в тот редкий уик-энд, который мы решили провести порознь. Мне стало тяжело постоянно уезжать на все выходные. Приходилось ходить по магазинам и делать уборку вечером в будние дни, и в моем доме стали отчетливо заметны признаки беспорядка. Мэтту предстояло подготовиться к какой-то важной встрече в понедельник, и мы согласились, что для обоих будет лучше назначить следующее свидание в Лондоне через пятницу.

В тот вечер я действительно очень устала и была рада возможности никуда не уезжать. После того как мы поболтали по телефону, я легла на кровать, вытянувшись на ней по диагонали, посылая Мэтту короткие текстовые сообщения и смеясь над его ответами. Так и заснула с мобильником в руке.

А вскоре очнулась, потому что в дверь позвонили. Я вздрогнула и посмотрела на часы. Было около четырех часов ночи, и за окнами царила кромешная тьма. Выглянула в окно, но ничего не разглядела. Накинув халат, спустилась вниз. Думала, что это Шейла из соседнего

дома. Может, у них кто-то серьезно заболел?

Я открыла дверь. Передо мной стоял Мэтт.

– Говори об этом! – потребовал он. – Говори же!

Я смотрела на него в недоумении.

– Как ты здесь оказался?

– Говори, – повторил он. – Просто скажи мне. Вот и все, что мне нужно.

– О чем ты? Что я должна тебе сказать?

– Что любишь меня.

Он выглядел изможденным, но глаза горели.

– Ты любишь меня, Ханна?

– Конечно, люблю!

– Слава Всевышнему! Я так благодарен ему за это! – Мэтт засмеялся. – А то мне показалось, что придется сесть за руль и отправляться назад.

Я обняла его и поцеловала.

– А ты? – спросила я. – Ты меня любишь?

– Я сто раз повторил тебе это.

– Ты не говорил мне о своих чувствах ни разу! – возразила я.

Но уже через тридцать секунд мы оказались в спальне, где я взяла свой телефон и прочитала пришедшее от него за ночь сообщение:

Я люблю тебя, Ханна.

Сейчас я вовсе не шучу. Я очень тебя люблю.

Я так долго ждал, чтобы признаться тебе в этом. Я люблю тебя. Люблю. Люблю.

Ханна, а ты меня любишь?

Боже! Я сваял такого дурака, верно?

Но теперь ничто не имеет значения, потому что я люблю тебя.

Ханна? Ты не хочешь мне отвечать? Ты меня игнорируешь? Пожалуйста, не надо!

Мэтт лежал со мной в постели, смотрел, как я читаю его признания, и смеялся до слез. Я и сама готова была разрыдаться от счастья.

А потом я притянула его к себе, прижалась к нему и продемонстрировала, как крепко люблю.

Я крутилась в постели с мокрым от слез лицом, с шумом в голове, как было в ту ночь. Поняла, насколько скучаю по нему, как мне не хватает его рядом, недостает возможности поговорить с ним. Мне нужно было, чтобы Мэтт протянул руку и погладил мои волосы, хотелось прижаться лицом к его ладони, почувствовать прикосновение пальца к моим губам перед поцелуем. Он действительно любил меня. Как же мог бросить, не сказав мне ни слова?

Я взяла телефон с прикроватного столика. Захотелось посмотреть на его фотографию, на что-то, напоминавшее о тех счастливых мгновениях. И еще. Мне стало важно увидеть его, понять, было ли в его лице нечто вроде странного выражения глаз, например, что послужило бы предупреждением: он со мной несчастлив. Предостережением: он может уйти.

Но я застонала, осознав невозможность исполнения своего желания.

Папки с фотографиями подверглись той же манипуляции, что и тексты. В моем

телефоне не осталось ни единого снимка Мэтта. У меня все было тщательно рассортировано по альбомам, и тот, что носил название «Мы», где хранились наши снимки, оказался удален, как и тот, что я озаглавила «Мэтт». Я лихорадочно просмотрела остальные папки, выводя на дисплей одно фото за другим, но на них отсутствовала даже его тень.

Рядом с планшетом для чтения лежал мой айпод. То же самое проделали и на нем. Все снимки Мэтта удалили.

Внизу в холодной гостиной я достала из сумки-чехла свой портативный компьютер. У меня была полезная привычка непременно все дублировать, но и здесь тоже поработали на славу. Нужные мне папки оказались пусты. Хотя снимки Кэти, университетских друзей и мои собственные остались нетронутыми. Исчезли наши фото вдвоем, которые Мэтт просил сделать специально, сцены с различных вечеринок и все прочее. Ни единого изображения празднования Рождества или дня рождения. Лучшая часть моей жизни была безвозвратно утрачена. Стерта. Будто четыре последних года я либо провела одна, либо не жила вообще.

И это сделал он сам. Он все у меня забрал.

Я откинулась на диване. Злость болезненно обжигала мне лицо. Почему Мэтт так поступил? Еще можно было понять, зачем он забрал все свои вещи, но для чего понадобилось уничтожать воспоминания? Все его снимки, сообщения исчезли. Не осталось ни одного электронного письма. Не затерялась в шкафу хотя бы одна его футболка, в которых я любила спать, заменяя ими ночные сорочки. В кухне не нашлось бы кружки Мэтта, чтобы подержать ее в руке. Сколько понадобится времени, прежде чем я забуду его лицо, перестану помнить слова, обращенные ко мне?

Внезапно меня словно током ударило. А если Мэтт так же обработал свой телефон, компьютер, стерев из них все мои фотографии? Если я тоже вскоре стану для него лишь смутным воспоминанием из прошлого? Я представила, как он уничтожает меня. С каким выражением лица он удалял образ за образом из четырех последних лет своей жизни? Стирал лицо женщины, которую на словах очень любил. Если бы вдруг Мэтт оказался в тот момент передо мной, я могла бы... Даже не знаю. Я была способна на все.

Вспомнила, что он мне говорил, охотно вроде бы общался со мной, зная – отлично зная! – как собирается поступить. Но мне все равно не хотелось бы запомнить его таким. Если бы Мэтт умер, я бы вспоминала только хорошее, те времена, когда мы вместе смеялись, проводили время, сидели рядом на диване, касаясь друг друга, и рассказывали, как каждый из нас провел прошедший день. Мысли о тех минутах стали для меня невыносимыми, окрашивались черной краской, приобретая приметы обмана, разрушавшего все хорошее. И сквозной нитью проходило: он уже тогда все планировал? Тогда все продумывал?

Например, за неделю до его исчезновения мы пошли ужинать в индийский ресторан. Неужели Мэтт знал, что больше никогда не вернется туда? И лежа рядом со мной в постели ночью, испытывал ли облегчение от скорого и желанного избавления от меня?

Это были моменты, когда я постепенно умирала для него, верно? Еще один поцелуй, и меня не станет. Только я об этом даже не догадывалась.

А потом я вспомнила, где все-таки могла найти его фотографию. Несколько лет назад, незадолго до знакомства со мной, Мэтта пригласили в старый лондонский университет, который он окончил, чтобы рассказать студентам о практической работе архитектора. Он провел там целый день, рассматривая и оценивая проекты будущих зодчих, давая рекомендации, как лучше всего подавать заявления о приеме на работу. Потом захлеб делился со мной, что получил истинное наслаждение, встретившись со студентами и не без

гордости повествуя им о том, как провел годы, разделявшие студенчество и сегодняшний день.

Я зашла на сайт университета и начала поиск. Прежде я видела тот снимок лишь однажды, и в тексте его фамилия не значилась, поскольку тогда университет посетила большая группа бывших выпускников, а потому найти кадр, введя «Мэтт Стоун», не удалось. Велика была вероятность, что фото вообще убрали. Ведь встреча состоялась более пяти лет назад. Я сканировала сайт, затаив дыхание, переходя со страницы на страницу, стараясь вспомнить, каким образом мне удавалось открыть изображение раньше.

А потом оно внезапно само возникло на дисплее. Группа студентов разглядывала какие-то архитектурные чертежи, и Мэтт стоял рядом с ними, указывая молодым людям на что-то. Он улыбался широко и радостно, заставив всех улыбаться вместе с собой. А двое парней даже смеялись.

Я скопировала снимок в фотошоп и обрезала так, чтобы на нем остался один Мэтт. Затем увеличила и распечатала на листе бумаги. Снова легла в постель, держа его перед собой. Мэтт выглядел таким же, как при нашей первой встрече. И теперь я поняла, что по-прежнему очень люблю этого человека и постараюсь найти его.

Неделя прошла без особых событий. Кэти уехала в Шотландию. Она занималась сбытом фармакологической продукции и последние несколько месяцев часто рассказывала мне о предстоявшей конференции. Перейдя в фармацевтику из другой сферы торговли, Кэти отчаянно пыталась добиться успеха на новом поприще. И я не сомневалась, что ей это удастся. Когда Кэти ставила перед собой цель, то неуклонно шла к ней и всегда осуществляла задуманное. Я скучала по ней. Для меня стало привычным, что она всегда доступна для разговора по душам, но на той неделе, пусть она и звонила мне несколько раз, мы не могли, как обычно, подолгу изливать друг другу душу.

– Меня ждут в ресторане отеля, – сказала Кэти, когда я позвонила ей в среду днем. – Через минуту мне пора бежать, извини.

– Но разве у тебя совсем не бывает свободного времени? – спросила я, с отвращением слыша в своем голосе откровенное нытье. – Я тут просто схожу с ума, Кэти. Не могу сосредоточиться на работе, а дома пусто и уныло. И больше нет никого, с кем можно хотя бы поболтать. Пожалуйста... – Пожалуйста, Кэти. Найди для меня немного времени.

– Прости. – Я уловила в ее ответе отголоски чувства вины и стресса. – Почему бы тебе не позвонить Фрэн? Она с удовольствием пойдет с тобой куда-нибудь выпить. Ей всегда нравится ужинать вне дома. Или Дженни...

– Не хочу даже рассказывать им, что Мэтт ушел от меня, – пробормотала я.

– Так не рассказывай! Просто выйди с ними проветриться, а о нем даже не упоминай.

Я молчала. Ее предложение не стало для меня выходом из положения.

Кэти вздохнула:

– Мы закончим сегодня очень поздно, как обычно. Уже после полуночи. Меня не поймут, если я уйду раньше. Ты же знаешь, как все происходит. На таких конференциях ты заводишь полезные знакомства, сходишься ближе с нужными людьми. А после разговора с тобой я так расстраиваюсь, что не могу уснуть. Сейчас мне нельзя себе этого позволить. Тебе ведь знакомы такие ощущения, верно?

Она была права. Мы обе знали, что стоит мне начать разговор с ней, и я буду плакать и часами жаловаться на жизнь, сама сознавая, насколько ужасно звучат мои слова. Понимала я и то, как напряженно сейчас складывается ситуация у нее. Она должна высыпаться, чтобы утром находиться в хорошей форме. Кэти заранее объяснила мне, как будет проходить конференция. Целый день работы и вечер неформального общения. Джеймс тоже сказал: «Надеюсь, ты найдешь минутку, чтобы позвонить мне», а она рассмеялась и ответила: «Разумеется, если тебе нравятся телефонные звонки в шесть часов утра!» Я старалась убедить ее не воспринимать все серьезно. Обычная конференция, но Кэти отреагировала неожиданно резко: «Легко тебе так говорить, Ханна! Ты зарабатываешь намного больше меня и сама постоянно участвуешь в таких «обычных конференциях». Но там мне выпадает шанс показать себя с самой лучшей стороны, и я не должна упускать его».

Я не стала напоминать ей о корпоративной ситуации, ее медицинской страховке или ежегодной премии, в два раза превышавшей ту, что получала я. Стоило ей однажды увидеть чек с суммой моей зарплаты, и она уже не могла воспринимать все иначе.

– Хорошо, – произнесла я. – Не беспокойся ни о чем.

– Ты поставила в известность родителей, что Мэтт бросил тебя?

– Нет, – ответила я. – Мне и так слишком плохо. А они начнут во всем винить меня же, и станет еще хуже.

– Не глупи. Твои старики – чудесные люди. – Непрошибаемый аргумент, против которого не возразишь. – И потом, в чем им тебя винить?

– В том, что не сумела удержать его. Папа никак не может смириться с нашей совместной жизнью вне брака.

Не знаю, на кого он возлагал больше ответственности – на меня или на Мэтта. Впрочем, будь мы женаты, сейчас нам пришлось бы разводиться, а это тоже едва ли понравилось бы папочке. Он ведь из того поколения отцов, для кого традиции семьи значат очень много. Поначалу, когда Мэтт переехал ко мне, папа вообще не желал с ним общаться, а меня предупредил, чтобы не передавала ему никаких прав на недвижимость, пока мы не вступим в законный брак, словно от Мэтта можно было ожидать любого подвоха. Задним числом мне оставалось лишь радоваться, что я последовала совету отца.

А потом я снова заплакала, прямо в своем кабинете со стеклянными стенами, отделявшими его от других офисов, и слезы капали на клавиатуру моего компьютера. Я сгорбилась над телефоном, положив локти на стол. Сообразила, что Люси заметила, в каком я состоянии, потому что уже через минуту после того, как я положила трубку, она принесла мне чай. Через пять минут все в отделе будут судачить обо мне, это неизбежно.

Кэти все же перезвонила.

– Ханна, – ее голос звучал мягко, – не плачь, не надо. Я понимаю, какой ты пережила тяжелый удар, но тебе лучше смириться с уходом Мэтта.

Я достала бумажные носовые платки, чтобы протереть глаза.

– Ведь еще недели не прошло!

– Конечно, но нельзя отрицать, что все складывается не слишком благополучно для тебя, правда? Если он почувствовал необходимость уйти именно таким образом, значит, был несчастлив. Прости, но мне кажется, ты должна была предчувствовать, как это назревает.

– Как я могла такое предчувствовать? Он твердил, что любит меня. Клялся любить вечно.

– И ты ему верила?

– Конечно же верила! – воскликнула я. – С чего мне было не верить ему?

– Они все говорят одно и то же, пока отношения складываются нормально. Но вот только длиться это может не так уж долго.

Я молчала.

– Ладно, не будем больше об этом, – продолжила Кэти. – Почему бы тебе не прийти к нам в воскресенье вечером? Приготовим кари, немного выпьем.

– А как же Джеймс?

Возлюбленный Кэти всегда вызвышался между мной и Кэти невидимым барьером. Мы познакомились с Джеймсом одновременно с ней, когда нам было семнадцать лет, готовясь поступать в университет. И нравился он нам обоим. Но я первой стала встречаться с ним. Однажды Джеймс пригласил меня в бар. Мы стали неразлучны с ним в летние месяцы после окончания средней школы. Но вскоре расстались. Я уехала в Австралию, чтобы позднее выбрать университет в другом городе, далеком от того, где продолжал образование Джеймс. Мы не виделись несколько лет.

Однажды я лежала с Мэттом в постели у него дома в Лондоне, когда позвонила Кэти и сообщила, что накануне вечером столкнулась с Джеймсом в одном ночном клубе Ливерпуля.

По ее тону я поняла: между ними возникла связь. У нее даже голос изменился, звучал взволнованно и радостно, но присутствовало в нем и нечто другое. Позднее я догадалась, что она сильно нервничала. Но я в тот момент постоянно отвлекалась, потому что Мэтт, слушая наш разговор, то и дело целовал меня в обнаженное плечо. Мне трудно было сосредоточиться на чем-либо еще. Да я и не хотела ни на чем больше сосредотачиваться. Кэти говорила о том, как много общего оказалось у них с Джеймсом, сколько тем для обсуждения они нашли в первый же вечер. Она прямо спросила его, придавал ли он значение тому времени, которое провел со мной несколько лет назад, и он ответил: «Ни малейшего». Это признание далось ей не без труда, и я почувствовала, как Кэти собирается с духом, чтобы продолжить.

Он даже ни разу не упомянул твоего имени, добавила она, не интересовался, чем ты занимаешься и где живешь. Я понимала, как Кэти радовалась этому обстоятельству, но, если честно, тогда мне было безразлично. Мной владело одно стремление – как можно скорее закончить беседу и снова упасть в объятия Мэтта, чтобы снова заняться с ним любовью, а мы предавались ей уже несколько часов подряд. Кэти успела лишь спросить, не вызывает ли у меня ревности ее роман с Джеймсом.

Я поспешила заверить, что она может поступать, как посчитает нужным, и пожелала удачи в амурных делах. Кэти произносила последние фразы возбужденно и с явным облегчением, а я потом даже не вспоминала об этом разговоре. Лишь через неделю, когда до меня дошло, что мы с ней ни разу не пообщались за семь дней, я осознала, насколько все серьезно у Кэти с Джеймсом.

Странно, но и он, и я чувствовали себя гораздо лучше теперь, чем в то время, когда были близки. Я действительно не возражала против ее отношений с Джеймсом, хотя порой все же возникала взаимная неловкость. Особенно если я навещала их без Мэтта.

– Не волнуйся о Джеймсе! – небрежно бросила Кэти. – Я только что рассказала ему о случившемся с тобой, и мы сможем все обсудить, не стесняясь его присутствия.

– Ты ничего не стала ему рассказывать в прошлую субботу, когда приезжала ко мне?

Возникла пауза.

– Ханна, я же знаю, что ты терпеть не можешь, когда я делюсь с Джеймсом подробностями твоей личной жизни. Мне показалось, ты и сама не хотела бы, чтобы он сразу все узнал.

Но прошло несколько дней, и она посвятила его в суть моих проблем. Мне действительно не нравилось думать о том, как они обсуждают между собой мои дела, хотя до недавнего времени причина крылась в наших юношеских отношениях с Джеймсом и ни в чем другом. Но при мысли, что они мусолят историю с Мэттом, гадают, почему он бросил меня, я испытала пренеприятное чувство. Потом, правда, вспомнила, что в последние дни Кэти находилась далеко от дома, была очень занята и едва ли располагала временем на долгие беседы с Джеймсом о чем-либо вообще, а уж обо мне – тем более.

Мы договорились, что я приду к Кэти домой в семь часов вечера в воскресенье. Отказавшись от приглашения, я рисковала еще не скоро снова увидеться с ней.

Вместо того чтобы проехать несколько миль, разделявших Ливерпуль и мой дом, я остановилась в центре города и отправилась на прогулку по опустевшим улицам, чувствуя грусть и уныние. Но мысль о возвращении домой казалась нестерпимой. Зашла в универмаг и купила книгу, а затем уселась на диванчике в баре с бутербродом и напитком, проторчав

там до восьми часов, когда заведение закрывалось. Если бы бар работал круглосуточно, я бы, наверное, задержалась там на всю ночь.

Дома я сразу поднялась наверх, в спальню, стараясь отводить взгляд от любых примет его ухода. Включила лампу со своей стороны постели и отправилась в ванную принять душ. Высушила волосы феном и надела пижаму. В доме царила тишина. В постели я легла подальше от стороны Мэтта и опять погрузилась в размышления, почему он ушел от меня.

Когда Мэтт получил работу в фирме «Джон Деннинг и партнеры», а потом переехал ко мне, я была переполнена надеждами на самое светлое будущее. Много лет не встречала я никого, кто бы так понравился мне. И дом стал другим, наполнился новой жизнью. Мэтт от души посмеялся над моим стареньким телевизором и сразу отправился покупать самый современный, сказав, что свой оставит в Лондоне для жильцов. Помню, как мы распаковали покупку, а пустую коробку позднее сдали в центр сбора и переработки вторичного сырья. Нам пришлось основательно потоптаться на картоне в саду, чтобы сплющить его и поместить в машину, но мы все равно недооценили размеры коробки и постоянно натывались головами на ее углы, пока везли до пункта приема. К моменту прибытия туда это так нас насмешило, что мы долго хохотали, и, по-моему, рабочие приняли нас за пьяных. Новый телевизор отливал черными и серебряными гранями. В первый же вечер мы смотрели фильм за фильмом, а я шутила, подражая голосу престарелой леди: «Ах, до чего же я обожаю этот синематограф!», заставляя Мэтта смеяться.

Я перевернулась на кровати и посмотрела на его подушку, такую теперь гладкую и нетронутую. Протянула руку и прикоснулась к ней, вспомнив, как Мэтт лежал рядом и разговаривал со мной. Интересно, что он сказал бы, окажись здесь сейчас? Объяснил бы, почему ушел, или просто закрыл бы глаза, зло поджав губы? Так он делал всегда, если между нами возникали размолвки.

Но я не позволяла себе никаких тягостных воспоминаний. Мне хотелось воскресить в памяти минуты, когда Мэтт выглядел счастливым, веселым и заботливым. Любившим меня.

Неожиданно в дверь позвонили. Я посмотрела на будильник. Десять часов. Кто мог явиться ко мне в столь поздний час? Разумеется, Мэтт! Он вернулся! Я знала, что так и будет! Я буквально скатилась вниз по лестнице к входной двери. Я прочно заперла ее на засов, вернувшись домой, никак не предполагая возможности его возвращения.

– Мэтт? – крикнула я. – Подожди минутку!

У меня от волнения тряслись пальцы, когда я с усилием отодвигала неподатливый засов. Повернув ручку, распахнула дверь настежь.

На пороге стоял Джеймс.

– Джеймс? – воскликнула я.

До меня только сейчас дошло, что на мне была только короткая полупрозрачная пижама, и я поспешила укрыться за створкой двери.

– У тебя все в порядке?

Он кивнул и спросил:

– Могу я войти?

– Да. Да, конечно. Иди в кухню. Я спущусь к тебе через минуту.

Я кинулась в спальню и надела домашний халат, гадая, зачем он явился. Когда я спустилась в кухню, Джеймс рассеянно мерил ее шагами, открывая шкафы, выдвигая ящики. Теперь я поняла цель его визита.

– Прости за вторжение, – произнес он, заметив, что я уже наблюдаю, как он изучает

содержимое стенового шкафа, где у меня хранился пылесос.

– Зря стараешься. Там ты его не найдешь, – сказала я.

– Но что произошло? Кэти говорит, он пропал.

Я покраснела от унижения.

– И ты даже ни о чем не догадывалась, – продолжил Джеймс. – Не предвидела ничего подобного?

– Ты последний, от кого я хочу слышать такой вопрос! Мне хватило беседы с Кэти!

– Что ж, буду честен. Это совсем не то, чего я мог бы ожидать от Мэтта. – Он открыл дверь кладовки и заглянул в нее.

– Там его тоже нет! – резко бросила я.

Но он все равно посмотрел за дверь, словно Мэтт при его росте шесть футов мог притаиться за ней.

– Просто проверяю на всякий случай, – объяснил он.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Неужели ты думаешь, я не осмотрела весь дом?

Джеймс пожал плечами:

– Мне кажется естественным желание все увидеть своими глазами.

– Своими глазами ты можешь увидеть, что Мэтт забрал с собой принадлежавшие ему вещи.

Он вышел в холл и оглядел стены, где прежде висели джазовые плакаты.

– Но ведь это очень странно, правда?

– Еще бы!

Хотя не менее странно было искать Мэтта в кладовке, как играющего в прятки мальчишку. Джеймс промолчал, но открыл дверь гостиной и осмотрел ее тоже.

– Ты рассчитываешь увидеть что-то, чего я не заметила?

– Я просто подумал, что если с ним что-нибудь случилось...

– Что, например?

Он покачал головой:

– Я всего лишь обеспокоен.

– Я тоже, – сказала я и вдруг сообразила, с кем именно разговариваю.

Мне ни в коем случае нельзя было показывать Джеймсу, как я расстроена.

– То есть была обеспокоена, хотя это продолжалось ровно минуту. Но как только убедилась, что он собрал свои вещи вплоть до последней мелочи, все мое беспокойство исчезло. Трудно переживать за человека, унесшего из дома свои пожитки и ушедшего, никого ни о чем не предупредив. Даже не трудно, а бессмысленно.

Он уставился на меня, и я встретилась с ним взглядом.

– Наверное, так и есть, – промолвил он. – Вот только почему он ничего не сообщил мне?

– Или мне! Ладно, мне нужно идти спать. Его здесь нет. Придется тебе поверить мне на слово.

– Хорошо, – кивнул Джеймс. – Но если тебе что-нибудь понадобится, можешь смело обращаться. – Он задержался в дверном проеме. – Ты расскажешь Кэти о моем приходе?

Я представила реакцию Кэти, если она узнает, что ее мужчина приходил сюда поздним вечером, застав меня полуодетой, пока ее самой не было дома. Хотя прошло много лет с тех пор, как мы с Джеймсом поддерживали интимные отношения, я понимала, что воспоминания все еще грызли ее. Мы старались не возвращаться в разговорах к тому периоду

нашей жизни. Ей нравилось думать, будто они с Джеймсом стали парой, и это изначально было предначертано судьбой. Узнав, что Джеймс не удержался и проведal бывшую возлюбленную, Кэти в приступе ревности могла найти способ заставить поплатиться за это и его, и меня. Причинить неприятности нам обоим.

– Нет, – ответила я. – Джеймс, я действительно очень устала и хочу спать. Клянусь, я ни о чем не расскажу Кэти, но при условии, что ты уйдешь отсюда немедленно.

Я стояла на пороге своего дома и наблюдала, как его машина скрылась в дальнем конце улицы. Разумеется, это станет не первым секретом, которым я не поделюсь с Кэти. Нельзя сообщать обо всем даже лучшей подруге. Хотя я всегда испытывала мучительную неловкость перед ней. По крайней мере, по поводу сегодняшнего эпизода уж точно. Я заметила в поведении Джеймса нечто необычное. Злость, какой он давно не проявлял при мне. С тех самых пор, когда мы были очень молоды.

Я провела одна уже восемь ночей, и все они показались мне пыткой. Без привычного тепла тела Мэтта ночи тянулись бесконечно долго, и я ощущала тягостное одиночество. После его ухода я начала обращать внимание на то, что проходило мимо меня прежде, не оставляя впечатления. Например, когда бы ни просыпалась посреди ночи, лежа в постели вместе с Мэттом, я слышала в его дыхании какой-то не совсем обычный звук. Я начинала подстраивать свое собственное дыхание в попытке добиться такого же эффекта, и уже через несколько минут снова глубоко засыпала. Теперь же я просыпалась в абсолютной тишине. И как ни напрягала слух, не слышала ничего. Спальня превратилась в одиночную камеру. Хотя даже легкое сотрясение решетки ворот за окном заставляло пугаться грабителей, пытающихся проникнуть в мой дом. И я лежала, парализованная страхом, сжимая в руке мобильный телефон, готовая в любой момент вызвать полицию, пока не успокаивалась, понимая – никто не нарушает моего покоя. Кругом ни души, и это всего лишь ветер колышет решетку, заставляя ее стучать о бетонную опору. Но даже за короткое время у меня пересыхало во рту, сердце бешено колотилось, и мне приходилось спускаться вниз, выпить стакан воды и привести в порядок расшалившиеся нервы.

Утром перед уходом Мэтта на работу я всегда чувствовала запах кофе, еще не поднявшись с кровати. Я могла какое-то время просто лежать, вдыхая аромат, и лишь затем открывала глаза, чтобы увидеть через открытую дверь, как он бреется над раковиной в ванной, сняв с себя футболку. Мэтт насвистывал в такт музыке по радио, если пребывал в хорошем настроении, или внимательно осматривал свое лицо в зеркале, когда его занимали какие-то серьезные вопросы. В комнате неизменно было тепло, и я знала, что он уже смолот кофе и включил кофеварку, выжал сок из нескольких апельсинов, нарезал хлеб на ломтики для тостера. Все это, как рассказывал Мэтт сам, вошло у него в привычку еще с детства, когда он выполнял те же обязанности, поскольку мама выдавала ему заслуженные честным трудом карманные деньги.

Теперь же я просыпалась, не ощущая ни аромата кофе, ни запаха выжатых апельсинов. А если я еще и основательно выпивала накануне, то в комнате стояло сладковатое, но тошнотворное амбре. Хотя я все равно валялась в постели до самой последней минуты, чтобы потом проворно вскочить и начать в спешке собираться. Радио я не включала ни разу с тех пор, как услышала в душе мелодию нашей с Мэттом любимой песни (я тогда чуть не упала, попытавшись выключить приемник пальцем ноги). Кухню утром я вообще старалась обходить стороной, а для завтраков запасла на работе много «энергетических» шоколадных батончиков, зная, что Люси непременно принесет мне чашку чая даже без напоминаний.

В то субботнее утро я встала поздно. Не зная, чем заполнить день, пребывала сначала в полной растерянности. Пару часов уделила уборке, но, как выяснилось, я одна за неделю не успела почти ничего испачкать. Только Мэтт ухитрялся устраивать в доме хаос. В гостиной царил полный порядок. В последний раз я сама заходила туда в понедельник, когда посреди ночи спустилась и обнаружила исчезновение всех снимков Мэтта.

В обеденное время позвонила мама. Как только ее имя высветилось на дисплее, я отказалась принимать вызов. Сейчас мне трудно было заставить себя разговаривать с ней. Хотя они с Мэттом встречались лишь изредка, она любила его. Считала встречу с ним лучшим, что случилось в моей жизни, и не уставала повторять: я просто обязана сделать все,

чтобы удержать этого мужчину, выйти за него замуж.

«Доброта – вот самое главное», – добавляла мама.

Мы обе понимали, какой смысл вкладывает она в эти слова. Если бы мама узнала о случившемся, то возложила бы всю вину на меня.

И вообще, не было пока необходимости ставить ее в известность. Я понимала, насколько безумно на что-то надеяться, но все еще ждала возвращения Мэтта домой с поджатым хвостом. Мне часто представлялась подобная сцена. Он сидит за кухонным столом и смущенно извиняется, пытаюсь улыбаться, признаваясь, какого дурака свалил, сваливая все на так называемый кризис середины жизни, повторяя, что очень скучал по мне. В таких снах наяву я воображала, как Мэтт вручает мне целую коробку наших с ним фотографий и говорит, что у него в машине осталось еще много снимков. Единственным желанием Мэтта было скорее вернуться, чтобы я простила его. Каждое признание мне в любви – чистейшая правда, и я должна ему поверить.

Предаваться мечтам удобнее всего оказалось в постели, с закрытыми глазами, пока тепло окутывавшего меня покрывала создавало иллюзию объятий возлюбленного. Когда же я спускалась вниз под холодный дневной свет, становилось значительно труднее объединить в единый образ человека, клявшегося мне в вечной любви, с мелочным мужчиной, который забрал с собой все, полностью стерев следы жизни со мной.

Предыдущий вечер я провела, обзванивая отели и спрашивая, не у них ли остановился Мэтт. Ночью я послала Кэти сообщение:

Звонила во все гостиницы Мерсисайда. Он не поселился ни в одной из них.

Через несколько минут она отозвалась:

Он едва ли обитает сейчас где-то поблизости. Тебе нужно справиться со своей одержимостью. Он может находиться где угодно по всему миру. Пора примириться с его уходом. Люблю и целую тебя.

Я чуть не взорвалась от возмущения:

Вот уж спасибо за такую поддержку!

Кэти прореагировала немедленно:

Мне очень жаль. Просто лучшим способом отомстить ему станет забвение. Сделай вид, что тебе его уход глубоко безразличен. Знаю, это трудно, но чем меньше ты будешь думать о нем, тем легче тебе станет. Посмотри хороший фильм или почитай книгу, чтобы отвлечься от мыслей о нем. Целую.

Кэти считала любовь очень сложной штукой, порой жестокой, и давала другим советы, исходя из своей точки зрения. Я же не была уверена, что доживу до момента, когда Мэтт станет мне полностью безразличен, хотя отчасти последовала ее рекомендациям, включив телевизор, но это лишь напомнило мне о том, как он увез свою новую панель, тщательно упаковав ее. Я нажала красную кнопку пульта дистанционного управления, взяла планшет и

заставила себя читать.

Позднее отправила Кэти еще одно сообщение. Меня внезапно взволновала мысль, не приходившая в голову прежде, хотя я не могла поверить в такую возможность. И не представляла, как мне воспринимать ее, если в ней и заключена истина. Страх комком подкатывал к горлу каждый раз, когда я думала об этом.

А он не мог бросить меня ради другой женщины?

Она ответила через десять минут, я же к тому времени успела довести себя почти до истерики, воображая Мэтта с другой. Мне представлялось, как он обнимает ее, как его горячее дыхание обжигает ей лицо, как он говорит о своей любви к ней, о вечной любви. От этих мыслей я в буквальном смысле ощущала боль.

А разве были хоть какие-то признаки, что у него завелся кто-то на стороне?

Я подумала над этим, напряженно вглядываясь в темноту холодной комнаты.

Нет.

На сей раз ответ пришел гораздо быстрее:

Постарайся не морочить себе этим голову. Уже поздно, и тебе необходимо выспаться. Мы поговорим обо всем в воскресенье.

Хорошо. Тогда до встречи.

Несколько часов я лежала без сна, вспоминая поведение Мэтта в последние несколько дней перед его уходом. Никаких отклонений от нормы. Не было ни одного момента, когда бы у меня возникли подозрения. Например, он не имел привычки прятать от меня свой мобильный телефон, хотя редко пользовался им дома. Казалось, ему безразлично, просматриваю я его или нет. Я уже давно не проявляла любопытства, не чувствуя никакой необходимости подвергать его проверкам. Сейчас приходилось лишь злиться на себя за подобную небрежность. Мэтт не казался ни более счастливым, чем обычно, ни чрезмерно взволнованным. Мне не вспомнилось ни единого признака, что он мог продумывать нечто столь радикальное, как уход из дома. Бегство от меня. Полное исчезновение из моей жизни.

В воскресенье утром я проснулась рано, и мысли, где же он может сейчас быть, мгновенно завладели мной. Я начала путать места, которые уже проверила, с теми, что только собиралась проверить. Обзванивая отели, по ошибке попадала в те, куда звонила прежде, и, поверьте мне, вы не получите вежливого ответа от сотрудника службы размещения, если зададите ему один и тот же вопрос дважды в течение пяти минут. Мне следовало стать более внимательной и организованной. Добиться результата было невозможно без разработки плана дальнейших действий.

Я съездила в супермаркет, чтобы пополнить запасы самого необходимого. Уже подходя к кассе, остановилась у полки с канцелярскими товарами. Это было именно то, в чем я нуждалась, чтобы облегчить себе задачу и вести записи о ходе поисков. Купила блокнот, пару пачек стикеров и несколько цветных фломастеров, а потом поспешила домой, желая скорее взяться за дело.

Остановившись рядом с воротами, я открыла багажник, чтобы достать сумки с покупками, как вдруг услышала за спиной тихое покашливание. Я буквально подпрыгнула от испуга, ударившись головой о крышку багажника.

– Осторожно! – сказала моя соседка Шейла. – Помощь не требуется?

Бормоча сквозь зубы ругательства, я отошла от автомобиля.

– Привет, Шейла! Нет, у меня все в порядке, спасибо. Здесь всего несколько пакетов из магазина.

– Может, мне позвать Мэтта?

Я повернула голову в сторону дома так быстро, что чуть шею себе не свернула.

– Мэтта? Ты думаешь, он дома?

– Не знаю, – ответила она. – А разве его нет по воскресеньям?

– Как раз сегодня его нет. Ему пришлось уехать на время.

Шейла кивнула, восприняв отсутствие Мэтта как нечто вполне нормальное. Порой он уезжал в командировки.

– Ты уверена, что справишься одна?

Я посмотрела на свою входную дверь. Шейла так часто бывала у нас дома, что, заметив отсутствие плакатов в холле, сразу почуяла бы неладное. А мне не хотелось выслушивать ее сочувственные советы.

– Да, справлюсь, – промолвила я, – но спасибо за участие.

Только сейчас я заметила чемодан, стоявший рядом с багажником ее автомобиля.

– Вы куда-то отправляетесь?

– В Озерный край на пару дней, – ответила Шейла. – Погода прекрасная, и мы решили не упускать такого случая.

– Везет вам.

Совершенно не хотелось затягивать разговор. Мне нужно было скорее оказаться дома, чтобы наладить организованные поиски.

В кухне я распаковала сумки, а потом села у стойки со стикерами и блокнотом. Оторвав от стопки первый клейкий листок, написала:

«Джон Деннинг и партнеры».

Секретарь: Аманда не знала Мэтта, его фамилии нет в компьютерном списке.

Начальник – Билл Харви – сообщил, что Мэтт уволился неделю назад.

Я посмотрела на запись. Чем же он занимался всю неделю перед уходом из дома? Как проводил дни? Я не заметила ничего необычного, хотя теперь, размышляя об этом, вдруг вспомнила, как давно не слышала, чтобы утром Мэтт напевал в ванной. Решила, что он так же завален работой, как и я. Мэтт не слишком торопился выйти из дома, но и не старался дожидаться, чтобы первой уехала я. Может, он всего лишь сворачивал за угол или крутился по нашему кварталу, возвращаясь, как только я покидала дом? Вспомнила я и о том, что на прошлой неделе Мэтт пару раз звонил мне на работу по городскому телефону, спрашивая, чем бы я хотела заняться вечером. Прежде он редко делал это. Так Мэтт мог попросту проверять, на работе ли я, хотя тогда мною его звонки благодарно воспринимались знаками внимания. Меня вновь неприятно поразила игра воображения, сцена его последнего дня дома, безумно лихорадочные сборы, уничтожение всех своих следов вплоть, вероятно, до отпечатков пальцев.

А потом я подумала о ключе. На мгновение ко мне вернулась надежда. Мелькнула мысль: «Я знала, что он уехал не навсегда! Знала, что скоро увижу его снова!» Но когда я метнулась в заднюю часть дома, ключ Мэтта висел на предназначенном для него крючке рядом с дверью в сад, вместе с запасными ключами от машины, от гаража и от сарая. Вспомнилось, как я сама сняла ключ с крючка и вручила Мэтту в день его переезда ко мне. Он поцеловал меня в шею, пока я нанизывала ключ на его общую связку, и сказал, что любит меня.

А теперь ключ висел на прежнем месте, словно наши отношения с Мэттом были заведомо ограничены во времени. Так, будто он всегда знал, что однажды уедет.

Воскресенья неизменно омрачались для меня легким оттенком грусти, печальным напоминанием, что уже завтра начиналась новая рабочая неделя. И это воскресенье ничем не отличалось от прочих. За исключением визита к Кэти вечером, мне было абсолютно нечем заняться. Холодильник заполнен продуктами, дом чист. Серое небо за окном обещало дождь. Обычно мы сидели в кухне с воскресными газетами, но одной мне не хотелось даже прикасаться к ним. Не оставалось ничего, кроме как вернуться к попыткам разыскать Мэтта.

Покончив с краткими записями на желтых стикерах, я села на низкий мраморный столик рядом со стойкой, разложив их перед собой. С одной стороны размещались те, где я перечислила места, куда уже звонила. И единственной причиной, зачем я сделала это, было стремление избежать повторных звонков. Но неожиданным образом бумажки помогли мне окончательно успокоиться, позволяя думать, что я все-таки немного продвинулась вперед. Записав все на бумагу, я почувствовала себя способной действовать дальше. И бумажки лежали передо мной, как карты пасьянса. Я могла двигать их, перемещать, выстраивая в иные ряды, когда хотела заставить свою память работать интенсивнее.

Однако, проведя за этими манипуляциями час или даже два, я решила, что с меня довольно. Захотелось выйти из дома, убраться подальше от его пустоты. Я села за руль, не имея понятия, куда поехать, и бесцельно крутилась по маленьким городкам Уиррала. Вскоре вспомнила, что дом матери Мэтта находился в нескольких милях дальше по той же улице, куда занесло меня.

Я никогда не любила его мать Оливию, а, судя по ее реакции на меня при первой же встрече, были все основания полагать, что и она предпочла бы видеть сына с другой женщиной. В воскресенье Мэтт отправлялся навещать ее в Хезуолл, а я оставалась дома, занимаясь маникюром, или выходила на пробежку трусцой. Вернувшись от матери, Мэтт порой выглядел недовольным, словно они поссорились, обменялись взаимными упреками, но он неизменно отрицал это. Впрочем, Мэтт отрицал бы размолвку с матерью в любом случае.

При этом он часто интересовался, почему я не езжу в гости к своим родителям, пользуясь его отлучками. Думаю, Мэтт питал иллюзию, что мне не терпится поскорее снова увидеть его дома, что заставляло его сокращать время, проводимое с матерью. Хотя на самом деле мне не нравилось бывать у своих «предков». Я считала, что вижусь с ними систематически, и, даже понимая, насколько обрадовали бы маму более частые визиты, не собиралась потакать ей. Каждый раз, попадая в родительский дом, я испытывала острое ощущение возврата в свое детство, а возвращаться в него мне вовсе не хотелось.

Я посмотрела на приборную доску, где располагались часы. Два пополудни. Мэтт неизменно варьировал время своих посещений, но у меня вдруг учащенно забилось сердце при мысли, что как раз сейчас он может оказаться там. Я нажала на педаль акселератора и поехала значительно быстрее, чем прежде.

Мы познакомились с Оливией, когда Мэтт еще работал в Лондоне. Навещая ее, он обязательно навещался и ко мне. По субботам мы оба обедали у нее дома, с неохотой выбираясь из постели, чтобы не опоздать, но потом так увлекались совместным душем, что все равно опаздывали.

Помню, с каким хмурым видом Оливия оглядела новую подружку сына. У меня еще не высохли волосы, а щеки покраснелись от только что полученного удовольствия. Мы так торопились, что я даже не успела привести себя в порядок. Того единственного взгляда хватило для понимания, насколько не оправдались ее ожидания. Я сразу спросила, где ванная, и привела себя в порядок, но нанесенный моему образу урон оказался уже непоправимым. Оливия держалась вежливо, угостив нас обедом и вином, непринужденно рассказывая о своих планах на выходные, но в ее манерах сквозила напряженная сдержанность, будто она что-то от нас скрывала.

Впрочем, мы встречались с ней лишь раз в несколько недель, когда Мэтт выбирался из Лондона. Но он всегда останавливался у меня, а к Оливии мы лишь наведывались в гости. Она продолжала приглашать к обеду нас обоих. Мы мило беседовали, но никаких шансов по-настоящему подружиться с ней не существовало. Хотя я старалась наладить с Оливией более близкие отношения, искренне старалась. Да, у меня не очень-то ладилось с собственной матерью, но я приложила немалые усилия для сближения с Оливией. Покупала ей дорогие подарки, посылала приглашительные билеты в оздоровительные центры, но она редко пользовалась ими, ссылаясь на занятость по работе, повторяя, насколько ей необходимо полностью расслабиться хотя бы в выходные. Интересно, для чего же тогда, по ее мнению, существовали все эти центры здоровья с грязевыми ваннами? С Мэттом я избегала разговоров о ней, но порой тема становилась неизбежной, однако без особой необходимости мы не упоминали ее имени вообще. Он отправлялся в гости к ней, а я добродушно встречала его по возвращении, ни о чем не расспрашивая. Полагаю, так обстоят дела во многих семьях.

Теперь же я подъезжала к дому Оливии с настороженностью. Он располагался на широкой улице, где места для парковки хватало вдоль обоих тротуаров, и оставалось достаточно пространства на проезжей части, чтобы могли разминуться даже два больших грузовика. Я остановилась в нескольких десятках метров от дома Оливии и тихо сидела некоторое время, наблюдая за ее жилищем. Машины Мэтта я нигде не заметила, подъездная дорожка тоже пустовала.

Хотя денек выдался серым и ненастным, прямо на мостовой играли дети. Пробегавшая мимо маленькая девочка посмотрела на меня и мой автомобиль. Я слегка напряглась. Мне вовсе не хотелось, чтобы она сообщила родителям о странной тетеньке, зачем-то сидевшей в машине и чего-то дожидавшейся. Достав свой сотовый телефон, я притворилась, будто собираюсь звонить.

Когда же я снова подняла голову, то заметила нечто настолько необычное, что даже не сразу поверила своим глазам. В дальнем конце подъездной дорожки к дому матери Мэтта торчала верхушка чего-то голубого. Очертаниями это напоминало детский батут с высокой крышей, которые обносят сеткой, чтобы прыгающие малыши не падали с него.

Я откинулась на сиденье и задумалась. Мэтт был единственным ребенком в семье. Его разведенной матери уже перевалило за шестьдесят. Он никогда не упоминал, что она стала встречаться с новым мужчиной, не говоря уже о человеке, обремененном детьми и внуками. И сама Оливия не смогла бы установить на заднем дворе такой огромный батут без помощи сына, но он и об этом не обмолвился ни словом.

Я запустила двигатель автомобиля, и он медленно двинулся вдоль улицы. Проезжая мимо ее дома, я убедилась в своей правоте. На заднем дворе рядом с гаражом высился невероятных размеров голубой детский батут с уплотненными мягкими стойками и сеткой. По инерции я проехала еще пару миль, а потом остановилась, чтобы спокойно подумать.

Никакого разумного объяснения не находилось. Зачем Оливии понадобился в саду батут для детей? На мгновение я даже представила, как она резвится на нем сама, перебрав джина с тоником. Оливия всегда консультировалась с медиками, опасаясь набрать лишний вес. Уж не врачи ли ей посоветовали прибегнуть к столь экзотической методике физических упражнений?

Я развернулась и поехала назад тем же путем. Теперь я приблизилась к ее дому с противоположной стороны и оказалась гораздо ближе к нему, хотя приходилось смотреть через стекло. Мне уже было наплевать, заметил ли меня кто-нибудь. Поравнявшись с домом, я сбросила скорость до минимальной и вновь увидела высокий голубой куб. Но потом мне вдруг бросились в глаза незнакомые шторы на окнах гостиной, а на стене рядом с входной дверью появилась серебристая табличка с номером. Ее тоже прежде не было. Я добралась до следующего перекрестка, опять развернулась, поставила автомобиль в нескольких десятках ярдов от дома, но в такой точке, откуда могла отлично видеть его. Никаких признаков жизни пока не наблюдалось.

Выйдя из машины, я приблизилась к входу. Игравшие на улице дети замерли, уставившись на меня. Я спиной чувствовала на себе их любопытные взгляды, когда входила через ворота на лужайку.

Теперь стало понятно, что дом все-таки был обитаем. По пути к двери я успела заглянуть в окно гостиной. Главное место в ней занимала крупная телевизионная панель, висевшая над каминной полкой, а перед ней установили удобный диван в форме уголка, с отделкой из белой кожи. Низкий журнальный столик темного стекла украшала статуэтка, имитировавшая цветы из стекла и серебра, а на стене напротив окна я увидела портрет молодой девушки, выполненный в натуральную величину. В общем, гостиная во всем противоречила вкусам Оливии, и интерьер никак не мог быть делом ее рук.

Я постучала в дверь. Как и следовало ожидать, никто на мой стук не отозвался, и мне оставалось только повернуться, чтобы пойти назад к своей машине. Один из мальчишек с особым интересом рассматривал меня.

– Привет, – сказала я.

Он промолчал, но не сводил с меня глаз.

– Миссис Стоун все еще живет в этом доме? – спросила я.

Он принялся постукивать палкой по бордюру тротуара. Я вздохнула и уже собиралась обратиться с тем же вопросом к другому ребенку, когда ко мне с обеспокоенным видом подбежала женщина, очевидно его мать.

– Я всего лишь спросила у вашего сына, живет ли здесь миссис Стоун, – небрежным тоном объяснила я.

– Зачем вам это знать?

Я удивилась, не понимая причин скрытности.

– Я ее родственница, – пришлось сказать мне, когда стало ясно, что изумленными взглядами никакой информации от нее не добиться. – Проезжала мимо и решила навестить ее, но, как мне кажется, она уже отсюда переехала.

– Да, – отозвалась женщина, крепко ухватив сына за руку. – Переехала давным-давно.

– Вот как? Ну, что ж тут поделаешь? – смиренно промолвила я.

Я хотела спросить, не знает ли местная жительница, куда именно переехала Оливия, но не успела – она поспешила удалиться, уводя своего отпрыска за собой.

Я медленно побрела к машине. Давным-давно... Что это означает? Оливия приезжала к

нам обедать на Рождество несколько месяцев назад, и тогда ни о каком переезде не упоминалось. В своем доме она прожила многие годы, и я знала, что ей нравится этот район. У нее здесь было много друзей и подруг, но только я понятия не имела об их адресах и фамилиях.

Меня удивило воспоминание, что сама я в последний раз посещала ее дом два года назад. Мы с Мэттом пригласили Оливию в ресторан то ли по случаю его дня рождения, то ли ее собственного, но помимо этого события и празднования самого Рождества, мне не выпадало случая увидеться с ней. И я считала большим везением необязательность еженедельных визитов к ней, хотя в первое время Мэтт настаивал, чтобы я сопровождала его. Я нахмурилась. Если бы я встречалась с Оливией чаще, то, вероятно, узнала бы о ее намерении переехать, но ведь Мэтт и сам мог рассказать мне об этом. Почему он молчал? Теперь мне стало ясно, как глупо было с моей стороны считать, что он всегда и во всем правдив со мной. Слишком занятая работой, я, очевидно, многого не замечала.

А теперь – в мае – соседка с той же улицы говорит, что его мать переехала оттуда уже давно. Она имела в виду последние несколько месяцев? Я повернулась, чтобы окликнуть женщину, но она уже скрылась в глубине своего двора. Я видела, как ее тень падает на штору окна гостиной, и поняла: мне не следует расспрашивать других детей.

Сидя в автомобиле, я перебирала в памяти подробности последней встречи с Оливией. Она казалась вполне расположенной ко мне, хотя наверняка предпочла бы встретить Рождество у себя дома – где бы ее дом уже тогда ни находился. Однако Оливия была вежливой, нахваливала еду и привезла нам в подарок к празднику две бутылки шампанского.

Неожиданно я вспомнила о «Зупле» – регистре недвижимости в Сети. Там должна быть запись о продаже дома. Я достала из сумки телефон и зашла на сайт, чтобы ввести прежний адрес Оливии. И глазам своим не поверила. Ее дом был продан 30 ноября прошлого года. Разумеется, не существовало способа выяснить, куда она переехала, и я пока не могла сообразить, как это сделать. Но одно стало очевидно. Оливия провела более шести часов у меня в гостях на Рождество и ничего не сказала о своем переезде. А Мэтт в то утро заехал за ней, а потом отвез обратно. Значит, ему было обо всем известно. Он знал уже несколько месяцев, но хранил секрет. Куда же Мэтт доставил мать тем вечером? Обсуждали ли они меня по пути к ее новому дому? Воспоминание о том, как я тогда расстаралась для этих двоих лжецов, больно ранило меня.

У матери Мэтта был номер моего мобильного телефона. В тот рождественский вечер она послала мне сообщение, благодарила за гостеприимство. «Спасибо большое за то, что пригласили меня к себе, – писала Оливия. – На будущий год отпразднуем Рождество у меня!» Я уже тогда уловила скрытый подтекст, но посчитала, что он заключался в намеке: «Уж я покажу вам, как нужно готовить настоящий рождественский обед». И как могла я догадаться, намек читался так: «О, кстати, мое приглашение касается только Мэтта. Я переехала на новое место, и тебе никогда не узнать, куда именно».

Конечно же, ее номера не осталось в памяти моего телефона. Да и сообщение исчезло. «В этом ей повезло», – подумала я, потому что в противном случае непременно бы позвонила и рассказала ей кое-какую правду о происходившем у меня в доме.

Я послала текст Кэти:

Только что обнаружила, что мать Мэтта переехала. Почему он ничего не сказал мне об этом?

Мне пришлось подождать несколько минут, прежде чем пришел ответ:

Откуда ты знаешь? Он связывался с тобой?

Нет. От него по-прежнему ни звука. Я сама побывала там. Поговорила с соседкой.

Через пару минут мой телефон снова издал писк:

Странно! Обсудим все сегодня в 19.00, если уговор в силе. Целую.

Кэти открыла дверь и обняла меня. Она выглядела великолепно в новом платье, с уложенными волосами и с умеренным количеством косметики на лице. У меня сразу испортилось настроение. Ведь у нас сложилась традиция: покупая новую одежду, прежде продемонстрировать ее друг другу и лишь потом надевать на работу, в гости или в ресторан. Иногда одного косого взгляда Кэти хватало, чтобы я тут же бросилась менять купленный наряд на другой, но чаще, увидев меня в обновке, она хватала свой айпад и приобретала через Сеть такую же вещь. Хотя этим вечером мне было не до традиционных показов. Я не смогла сделать над собой усилие, чтобы дать платью оценку, и лишь покраснела, когда подруга посмотрела на меня с сочувствием. Она опять прижала меня к себе, и я не сопротивлялась. Само мое тело хотело тепла и ласки.

– Бедная ты моя, – промолвила Кэти, не понимая, видимо, насколько хуже мне становится от таких слов лучшей подруги.

– Как прошла конференция? – спросила я.

Тема меня не особенно интересовала, но я догадывалась, что ей самой захочется поговорить об этом и лишней раз показать мне, насколько хорошо складываются у нее дела на работе. Так уж установилось между нами издавна. Мы всегда измеряли собственные достижения, пользуясь как шкалой успехами, которых добились Кэти. Пусть даже сегодня вечером у меня не было на это времени.

– Я не могу никому ни о чем рассказывать, – ответила она, понизив голос до театрального шепота. – По пути домой я позвонила маме, и она разрешила мне нарушить правило только для нее, но предупредила, что если начну хвалиться перед Джеймсом, он меня бросит.

– Неужели у тебя все зашло так далеко?

– Да благословит Господь ее мамочку, – произнес Джеймс, входя в холл и помогая мне снять жакет. – Так толково все объяснить. Кэти пыталась поделиться со мной новостями в течение недели, но я ни черта не понял в ее сбивчивом изложении.

Кэти рассмеялась. Она привыкла, что многие люди не понимали ее, когда она пускалась в описание своей работы.

– Если честно, – признала она, – то получалось у меня довольно скучно.

Мы сидели в гостиной, где-то на заднем плане негромко звучала музыка, а дрова в камине заменял мерцавший свет связки кремовых церковных свечей. Это было нечто новое, но я вспомнила, что, когда Кэти в последний раз гостила у нас с Мэттом, я купила именно такие свечи и наполнила ими свой камин. Она пришла в восторг от этой идеи, и теперь, разумеется, использовала сама. В комнате было тепло и уютно, чего так не хватало сейчас моей гостиной. И безукоризненно чисто.

Кэти ушла в кухню, чтобы приготовить напитки. Я ожидала от Джеймса упоминания о приходе ко мне позапрошлой ночью, но он, не сводя глаз с кухонной двери, за которой Кэти звенела бокалами, устанавливая их на поднос, лишь сообщил мне, как, придя домой с работы в пятницу, застал тестя с тещей за укладкой моющего пылесоса в багажник своей машины. Устроили у вас генеральную весеннюю уборку, объяснили они Джеймсу.

– Ты не возражаешь, чтобы они вот так запросто являлись в твой дом?

Он пожал плечами:

– Мне бы пришлось делать уборку самому в выходные дни. Они сэкономили для меня уйму времени. Зачем же мне возражать?

Я покачала головой:

– Терпеть не могу, когда кто-то приходит в мое отсутствие. Меня это пугает.

– Пугает? – спросила Кэти, появляясь с подносом в руках. – Ты боишься собственных родителей?

Джеймс бросил на меня многозначительный взгляд:

– Лично я совершенно не беспокоюсь. Если им хочется заниматься уборкой – милости просим!

– А мне нравятся визиты папы с мамой, – сказала Кэти. – Пусть помогают по мере сил.

Она забралась с ногами в угол дивана, где свет лампы особенно красиво играл в ее светлых волосах, и посмотрела на Джеймса с ненавязчивой немой просьбой в глазах. Он закатил глаза, однако налил нам понемногу вина. Кэти облизала губы и на секунду стала похожа на кошку, перед которой поставили миску сливок. Я видела ее такой очень часто еще с детства. И дело не в том, что Кэти росла избалованным ребенком, хотя ее изнежили изрядно. Она привыкла к обожанию. Родители страстно хотели иметь детей, но только в сорокалетнем возрасте после двадцати лет супружества у них родилась наконец дочь. И со дня своего появления на свет Кэти стала маленькой богиней, у алтаря которой истово молились отец и мать. Когда же она покинула отчий дом, то повергла их почти в траур. Впрочем, они быстро пришли в себя и сумели переключить свое внимание на ее новую жизнь, заводя дружбу с ее друзьями, привозя ей еду, стирая и отглаживая ее одежду, причем так, что она даже не замечала этого. Родители по-прежнему обращались с ней как с маленькой девочкой, а ей нравилось такое отношение к себе, и «богиня» без стеснения принимала от них любые подношения и услуги.

Кэти испытывала сострадание к любой семье, где детей не возводили хотя бы на полубожественный пьедестал, но на самом деле ее не слишком волновали чужие взаимоотношения. Родители Джеймса переселились в Шотландию, и, думаю, Кэти втайне была очень рада, что ей не приходится делить время между своими и его родственниками. Но, исполняя долг, она строго соблюдала приличия, навещая их с мужем дважды в год, хотя, насколько я знала, ее всегда поражало, до чего спокойно они прощались с сыном после каждого визита. Ее родители тяжело переживали бы перспективу не увидеться с ней несколько месяцев, и Кэти казалось, что родители равнодушны к Джеймсу. Ее бы разубедило только море прощальных слез, мольбы о скором возвращении, пятьдесят фунтов из их скудных пенсий, сунутые в руку Джеймса, и множество сообщений на мобильный телефон, едва они выехали бы из ворот дома.

Что касалось меня, то для Кэти оставалось непостижимым, как можно жить с родителями в одном городе и редко видеться с ними. И объяснять ей что-либо было бесполезно. Даже пока мы оставались детьми, я предпочитала проводить больше времени в ее доме. Стоило мне войти в их кухню, как я сразу же чувствовала себя свободно и расслабленно. Правда, Кэти тоже любила бывать у нас. Атмосфера в нашем доме менялась в ее присутствии, и когда она играла в нашей гостиной или общалась с моими родителями, пропадало напряжение, в котором жила я сама. От подруги словно исходил солнечный свет, столь любимый моей матерью, она много смеялась. Мне самой рядом с ней становилось веселее, и родители испытывали те же ощущения.

На секунду я закрыла глаза. Последнее, чего мне сейчас хотелось, это думать о них. Я

протянула руку, чтобы взять бокал с вином, и заметила в одном из пустовавших кресел гитару Джеймса.

– Много играешь в последнее время?

Он кивнул:

– Да, при любой возможности.

– Пока меня нет дома, – сказала Кэти. – Держу пари, ты брэнчал каждый день всю последнюю неделю?

Он рассмеялся:

– Чаще, чем в другое время.

– Он предпочитает играть в мое отсутствие.

– Потому что тогда она не пытается тебе подпевать? – с улыбкой спросила я.

Он лукаво усмехнулся:

– О, это просто невыносимо для меня.

И снова память перенесла меня в прошлое, когда нам всем было по семнадцать лет. После занятий в колледже я приходила к Джеймсу, мы ложились рядом на его узкую односпальную кровать, и он играл на гитаре, а я думала, что мой парень – само совершенство. Те месяцы стали самыми счастливыми в моей жизни. Однажды Кэти увязалась за мной, и когда Джеймс заиграл, мы оба чуть с кровати не свалились при звуках ее пения. У нее оказался поистине ужасный голос – тонкий и пронзительный. Мы с Джеймсом переглянулись, а потом хохотали до слез.

– Что такое? В чем дело? – допытывалась тогда Кэти. – Над чем вы смеетесь?

А теперь мы с подружкой сидели рядом на диване, а Джеймс вытянулся в кресле у камина. При ровном пламени свечей время, казалось, остановилось.

– Итак, – произнес Джеймс, – значит, он от тебя ушел?

Словно ослепленная внезапной вспышкой, я вернулась в сегодняшний день, причем успела заметить, как Кэти обменялась с мужем многозначительными взглядами. В ту минуту я была для них человеком со стороны. Неприятное чувство, и мной овладел соблазн изменить ситуацию, напомнив Джеймсу, что мы все уже обсудили позапрошлой ночью, но пришлось сдержаться, чтобы не испортить вечер.

– Ушел так, что и следа не осталось. Будто никогда вообще не жил со мной, – ответила я, отхлебнув вина.

Видимо, они даже не подозревали, до какой степени мне тяжело говорить об этом.

– Он удалил из твоего телефона свой номер? – спросил Джеймс.

– Не только номер, – вмешалась Кэти. – Все сообщения и электронные письма тоже.

– Но разве его номер не сохранился в списке принятых вызовов?

Я покачала головой.

– Все входящие и исходящие вызовы тоже удалены.

Джеймс наморщил лоб:

– Но ведь таких вызовов должно было накопиться сотни за несколько лет. А остальные звонки все-таки сохранились в памяти?

– Я получила новый мобильный телефон в подарок на Рождество и сменила оператора, но они сохранили все мои контакты, хотя не перенесли полный список звонков и текстовых сообщений. Оставили электронную переписку. Причем только мои письма, а остальное исчезло. Но тогда меня это не беспокоило. К чему хранить тексты и телефоны людей, которым я в последний раз звонила много лет назад?

– А ты не создала запасной копии?

– Скопировала лишь фотографии. Но он стер и копии тоже.

– На самом деле это не имеет значения, – заметил Джеймс. – Все указывает на то, что Мэтт больше не пользуется прежним телефоном. – Он наполнил наши бокалы вином. – Мэтт оставил свой ключ от дома?

Я кивнула:

– Да, он висит на обычном месте. На крючке в кухне у задней двери.

– Больше того, – поспешила добавить Кэти, смакуя каждое слово, – он поставил ее телевизор и книги туда, где они находились до его переезда к ней.

– Что?

– Комната выглядит так же, как до его появления в ее доме. Правда, Ханна?

Я покраснела. Джеймс лишь на секунду заглянул в гостиную, когда навещал меня, и мне показалось, что он не успел заметить перемены в обстановке. Было понятно, что он специально приехал, чтобы найти Мэтта. И в мои намерения не входило делиться всеми подробностями того, что Мэтт сделал. Ладно, положим, Джеймс уже все мог знать со слов Кэти. Но я сама ни во что не хотела посвящать его. Хотя наши близкие отношения исчерпали себя уже давно, он оставался моим «бывшим», и унижаться перед ним было особенно неприятно.

– Кэти сказала, он забрал все свои вещи, – продолжил Джеймс, избегая смотреть мне в лицо. – Но я даже представить не мог, чтобы он вернул на прежние места твои.

– Так он и поступил, – сказала Кэти. – Вплоть до постельного белья. Просто поразительно, сколько усилий он не пожалел на это.

– Да, – подтвердила я. – Такое в страшном сне не приснится.

После моей реплики Кэти на время замолчала.

– И тогда, – произнес Джеймс осторожно, словно предвидел неловкость своего вопроса, – ты отправилась навещать его мать?

– Я вовсе не собиралась навещать ее. Просто проезжала мимо и решила заглянуть к ней и поговорить. Вообрази, эта женщина провела на Рождество весь день в моем доме, но даже не упомянула, что переехала!

– Может, она не нарочно ввела тебя в заблуждение. Вероятно, хотела выставить дом на продажу перед Новым годом, а покупатель нашелся неожиданно быстро.

– Нет, – возразила я. – Проверено через «Зуплу». Оливия продала дом тридцатого ноября. Съехала оттуда за месяц до того, как явилась ко мне в гости на праздник.

В комнате воцарилась тишина.

– А я не знала, что это так легко установить, – наконец заметила Кэти.

– Информация появляется на сайте «Зупла» сразу после регистрации сделки, – пояснил Джеймс. – Сейчас ничего нельзя сохранить в полном секрете.

– Интересно, куда она перебралась? – спросила Кэти. – Есть способ выяснить?

– По спискам избирателей в округах? – предположил Джеймс.

– Даже не знаю, – отозвалась я, подумав, что следует попробовать.

– Сомневаюсь, что это будет легко, – сказала Кэти. – Помню, когда мы сами переезжали сюда, то специально просили исключить информацию о нас из общедоступных списков. Местный совет пытается на всех нас зарабатывать, и стоит дать сведения о себе, как начнешь получать кучу бесполезных рекламных буклетов. Оливия могла поступить так же.

– Есть возможность зарегистрироваться избирательницей через Интернет, – напомнил

Джеймс. – Хотя какой смысл, даже если ты найдешь ее? У тебя ведь нет необходимости беседовать с ней, если я правильно понимаю. У вас с ней сложились не самые лучшие отношения.

– Мы общались как вполне цивилизованные люди, – резко возразила я. – Но ты прав, я не испытываю желания встречаться с Оливией. Мне вот только не кажется простым совпадением ее переезд и уход Мэтта от меня в течение нескольких месяцев.

– Едва ли они поселились вместе, – заметила Кэти. – Да, он с ней прекрасно ладил, но вряд ли хотел жить под одной крышей.

– Да, – кивнула я. – Иногда она умудрялась доводить его до белого каления. Мэтт часто возвращался от нее в плохом настроении. Особенно в последнее время.

– Вот, хоть что-то позитивное! – воскликнул Джеймс. – Есть преимущества и в одинокой жизни. Не приходится подстраиваться под чьи-то дурные настроения.

Я не нашла вежливых реплик на подобный вздор, но в этот момент Кэти подала кари, и разговор оборвался.

Вечером мы сидели и слушали музыку. Любовались причудливым танцем теней, отбрасываемых то вспыхивавшими, то почти угасавшими свечами. Я чувствовала, что слегка опьянела. У Кэти тоже начал заплетаться язык, и стало понятно: она выпила лишнего. Джеймс пил гораздо меньше нас. Он зашел в «Фейсбук» со своего телефона и просматривал страницы, отпуская различные комментарии. Я все не могла хотя бы ненадолго унять злость на Мэтта.

– Ох, узнать бы, где он сейчас находится! – в который раз воскликнула я.

– Ты уверена, что у вас все складывалось хорошо? – спросила Кэти.

Я уловила в ее голосе раздражение, и это рассердило меня.

– Уверена, – заявила я. – В наших отношениях ничего не изменилось. В том-то все и дело. Мы даже не ссорились с Мэттом.

Я задумалась о нашей с ним жизни в последние несколько месяцев. Мне было вполне комфортно. На работе я добивалась успехов, а с Мэттом не возникало ни малейших проблем. Не существовало причины, чтобы он вдруг так внезапно ушел. По крайней мере, я ничего не знала о ней.

Кэти поднялась и стала собирать тарелки, чтобы вынести из комнаты. Когда же из кухни донесся звук полившей из крана воды, Джеймс неожиданно спросил:

– Вы действительно не ссорились?

Неожиданно я покраснела:

– Нет, не ссорились! – Возможно, я произнесла эту фразу громче, чем следовало.

– Вот только в таком случае... Странно, что Мэтт просто взял и ушел... Зачем ему бросать тебя, если он был с тобой счастлив?

Мне казалось, что горела вся моя кожа от макушки до пальцев на ногах.

– Откуда мне знать? Он не пожелал присесть на дорожку и объясниться со мной!

– Догадываюсь, что тебе не придутся по душе мои слова, но я уверен: здесь замешана другая женщина.

Разумеется, я размышляла над такой причиной, но, услышав слова Джеймса, отреагировала остро:

– Так и знала, что ты это скажешь!

– Почему?

– Только такое объяснение неизменно находят люди, узнав о чьем-то уходе из семьи. Сбежал к другой! Иного варианта они просто не предлагают. А ты даже не задумываешься, каково мне понимать, что никто не станет даже искать другой, подлинной причины.

Джеймс пожал плечами и снова принялся возиться со своим телефоном.

– Ты о ком? – спросила Кэти, вернувшись в гостиную. – Кому ты рассказывала о случившемся?

Я лишь покачала головой, не желая услышать вновь версию, выдвинутую Джеймсом.

– Только Сэму, – наконец ответила я, – и он тоже ушам своим не поверил.

– Сэм не очень хорошо знал Мэтта, если не ошибаюсь, – заметила Кэти. – И потом: Сэм даже представить не смог бы, что кто-то бросил такую женщину, как ты.

Они с Джеймсом дружно рассмеялись над старой шуткой, что Сэм влюблен в меня.

– А отцу и матери ты по-прежнему ничего не говорила?

– Нет.

– Кто-нибудь видел, как он уезжал? – спросил Джеймс. – Например, твои соседи? Не мог кто-то из них даже помочь ему?

– Шейла и Рэй гостили у дочери в Девоне. А в дом с противоположной стороны в тот день заселились новые жильцы. Кажется, это молодая супружеская пара, и у них маленький сын.

В этот момент я услышала сигнал о поступившем сообщении на мой телефон. Открыв сумку, принялась искать его. Кэти снова собиралась выйти из комнаты, но задержалась в дверях:

– Не знала, что в тот дом уже кто-то въехал. А они ничего не заметили?

– Я с ними пока не общалась. И к тому же неизвестно, в какое именно время они переехали туда. Видела только, как они сами привезли какие-то мелочи около восьми часов вечера, но вполне могли провести там целый день.

– Ты собираешься расспросить их? – Джеймс поднялся с кресла, потягиваясь и зевая с откровенным намеком, что мне пора уходить.

– Мы с ними не успели познакомиться. Им может показаться странным, если я начну общение с подобных вопросов.

– Я бы не стала, – высказала свое мнение Кэти. – Они решили бы, что я немного не в себе.

– Спасибо на добром слове!

– Но ты же понимаешь смысл сказанного мной. Тебе придется в дальнейшем жить с ними рядом. Хочешь, чтобы первой информацией, полученной ими о тебе, стало известие, что тебя бросил возлюбленный? Первое впечатление всегда самое важное.

Мне доводилось слышать, что репутация жертв может пострадать от преступлений, совершенных против них же, но до сих пор я не могла поверить, что сама оказалась в подобной ситуации. Мне не следовало рассказывать соседям об исчезновении своего парня, чтобы они не посчитали меня странной особой.

– Наверное, ты права, – кивнула я. – Не стану с ними ничем делиться.

Две мили до дома Кэти и Джеймса я прошла пешком, а такси, чтобы вернуться, заказала заранее, зная, что после нескольких бокалов вина тащиться на своих двоих мне не захочется. Водитель посигналил с улицы, и Джеймс вышел, чтобы помочь мне надеть жакет. Я достала телефон и посмотрела, какой текст появился на дисплее. Прочитав его, чуть не подпрыгнула.

– В чем дело? – нахмурилась Кэти. – От кого сообщение?

Она стояла рядом, и мне пришлось чуть развернуть ладонь, чтобы она тоже могла разглядеть слова на дисплее: «Я дома».

– Как? Неужели? Это прислал Мэтт? – затараторила Кэти.

– Не знаю. – Я снова посмотрела на телефон. – Неизвестно, от кого это сообщение.

Джеймс подошел сзади, взглянул мне через плечо и произнес:

– Кто-то глупо шутит. Это не может быть Мэтт. – Он сверился с собственным телефоном, а потом показал мне его. – Видишь, номер другой.

Я не знала, что мне думать, пребывала в полнейшем замешательстве, но вскоре мне все стало ясно.

– Нам же известно, что он сменил номер, – сказала я, крепко обнимая Кэти на прощание. – Он вернулся, Кэти. Он вернулся!

Глава 13

Поездка на такси до моего дома тянулась, как мне показалось, целую вечность. По пути я посылая ответы Мэтту, отправляя текст за текстом, исполненная надежды и самых радостных предчувствий.

Буду через минуту.

Мэтт, дождись меня. Вернусь домой скоро.

Дождись непременно! Я уже почти дома!

Когда мы подъехали к воротам, я отдала водителю деньги, и он умчался, оставив меня одну на тротуаре. Я колебалась, но не более секунды. Окна в передней части дома оставались темными. Как же Мэтт вошел без ключа? Никаких доводов разума я уже не воспринимала. Быстро достав из сумки собственный ключ, я открыла дверь и включила лампу, стоящую на тумбочке в холле.

– Мэтт! – крикнула я. – Мэтт, я уже дома!

Опрометью бросилась из холла в кухню. Там тоже царила тьма. Когда же включила люстру, залив комнату светом, то увидела, что и здесь никого нет. Взбежала по лестнице вверх, перепрыгивая через две ступеньки, и распахнула дверь спальни. Снова передо мной предстала затемненная комната, а покрывало на постели лежало так же ровно, каким я оставила его, уходя в гости. Заглянула в ванную. Пусто.

Я села на кровать, тяжело дыша. Телефон еще сжимала в руке и снова посмотрела на сообщение:

Я дома.

Мое сердце бешено колотилось, с лица стекал пот. Зачем он послал такое сообщение, если здесь его нет? Я медленно спустилась вниз. Открыла дверь гостиной, но, разумеется, и там Мэтта не оказалось. Уже понимая, насколько глупо себя веду, я проверила шкаф под лестницей и подсобку при кухне, а потом вышла через заднюю дверь, убедиться, что без ключа ему не пришлось дожидаться меня в саду. Вернувшись в дом, я проверила гостевую и вторую ванную комнату, опасаясь упустить хоть что-нибудь. Снова на первом этаже чувствовала, что просто сгораю от стыда за себя.

Мой телефон издал сигнал, и я схватилась за него в надежде на новое сообщение от Мэтта, но текст прислала Кэти:

Он действительно дома?

Я тупо смотрела на дисплей. Понятно, что Кэти и Джеймс сейчас говорили обо мне. Телефон пропищал снова.

Он вернулся?

Чтобы больше не получать от них вопросов, я отправила исчерпывающий тему ответ:

Вероятно, произошла ошибка. Его здесь нет. Спокойной ночи.

Позднее я несколько часов провела в постели, посылая одно сообщение за другим на этот новый номер, объясняясь Мэтту в любви, горячо умоляя вернуться ко мне.

Ответа, как и следовало ожидать, не поступило.

Утром я проснулась очень рано и побежала в ванную. Там меня вырвало. Склонившись над унитазом, постаралась вспомнить, сколько выпила накануне вечером, но при одной мысли о белом вине меня снова стошнило. Стало только хуже.

Позднее я расположилась в кухне при холодном свете рассвета, глядя на сад и стараясь как можно меньше двигаться. В голове стучало. Наверное, сказывалось похмелье, в также причиняли боль мысли, непрерывно прокручивавшиеся в мозгу. Я понимала, что должна хоть что-то съесть перед выездом на работу. Выглядела я ужасно, и если бы вошла в офис, дыша перегаром, то рисковала потерять работу.

Я приняла душ и оделась, размышляя над предстоявшим днем. Первым пунктом в моем расписании значилась встреча с одним из клиентов у него в конторе. Люси должна была сопровождать меня, и мне необходимо было заехать за ней в нашу фирму в девять часов. Предварительную бумажную работу мы с ней проделали еще в пятницу, убедившись, что документация готова и мы можем смело отправляться на деловую встречу в понедельник. Обычно мне нравилось наносить визиты клиентам, получая шанс на несколько часов вырваться из своего кабинета. Но сейчас хотелось спокойно посидеть за письменным столом, закрыв жалюзи, и продолжать названивать Мэтту. Спросить, зачем прислал мне сообщение, что он дома, если его там не было?

В кухне, опустив в тостер ломтик хлеба, я вдруг заметила разложенные на мраморном столике позади стойки желтые стикеры. Снова просмотрела их, а потом решила обновить информацию. «Оливия переехала 30 ноября», – написала я на еще одном квадратике. Затем вошла в Интернет и провела поиск по спискам избирателей, но поняла, что для получения реальной информации мне придется либо посетить мэрию, либо побывать в главной городской публичной библиотеке. Усмехнулась, прочитав предупреждение: «Ваша фамилия и адрес будут включены в общедоступные списки, если вы не пришлете личное заявление с просьбой удалить их». Почему-то я не сомневалась, что Оливия именно такое заявление им и прислала, однако решила заглянуть в библиотеку по дороге с работы. За неимением других вариантов стоило попробовать хотя бы этот.

На отдельный листок я выписала номер телефона, с которого мне прислали сообщение. Его я тоже «пробила» через поисковики Интернета, но не сумела ничего найти.

Я сидела у стойки, пытаюсь заставить себя съесть подогретый хлеб, в надежде унять бурю в желудке и продолжая просматривать записи. Я разложила их в ином порядке, но сведений в них содержалось крайне мало. Мне необходимо было узнать значительно больше, иначе я бы никогда не выяснила, где Мэтт сейчас находится.

Внезапно я сообразила, что просидела так уже слишком долго, и теперь мне нужно спешить. Отправила Люси текст с напоминанием о встрече в холле нашей фирмы в девять часов и быстро подкрасилась. Нельзя позволить себе появиться там в таком виде, словно я махнула рукой на то, как выгляжу.

Впрочем, встреча прошла удачно, хотя от меня не ускользнули взгляды, которые бросала на меня Люси, но я не понимала причины, вызывавшей их. Это меня обеспокоило. Я всегда гордилась умением схватывать такие вещи на лету. Позднее, когда мы ехали обратно в свою компанию, я задала ей вопрос:

– Во время встречи я заметила, что ты странно смотришь на меня. Что-то было не в порядке?

Мои слова застали ее врасплох и повергли в смятение. Она покраснела:

– Нет, все было в полном порядке.

– Тогда почему ты так пялилась на меня? Я испытывала от этого дискомфорт. – Я продолжала вести машину, крепко держа руль обеими руками. – Если тебе есть что сказать, говори прямо.

– Просто... Порой у меня создавалось впечатление, будто вы мыслями где-то далеко и уже не понимаете, о чем мы ведем переговоры. И меня беспокоило, не заболели ли вы.

– Что? Со мной ничего подобного не происходило!

– Вот я и подумала, что вам лучше знать об этом, – тихо пробормотала Люси. – Но такое случалось лишь изредка. – Она явно не хотела обострять отношения. – Не часто.

Дальше мы ехали молча. Я была уверена в том, что не отвлекалась от темы беседы ни разу. Вникала в смысл всего сказанного за столом в конференц-зале. Неужели со стороны я могла производить впечатление человека рассеянного и сосредоточенного на личных проблемах? При этой мысли меня пробрала дрожь. Если Люси говорила правду, слух о моем пренебрежении своими обязанностями распространится по нашей конторе очень быстро.

В офисе я задержалась в кабинете Сэма, встревоженная словами Люси.

– Сэм, когда мы проводим совещания, тебе не кажется, что я отвлекаюсь на посторонние размышления?

Он смутился:

– С тобой все в порядке, Ханна. Иногда ты отвлекаешься, но лишь на мгновение. Ничего серьезного. Вряд ли кто-нибудь еще замечает это.

Я ушла от него, исполненная решимости работать с особым напряжением. Полностью сосредоточиться. Но уже в течение следующих десяти минут снова набрала номер Мэтта и отправила ему четыре сообщения.

Вечером по дороге домой я заглянула в супермаркет, решив приготовить ужин сама. Нужно следить за собой. Со времени ухода Мэтта я ни разу как следует не поела, а после разговора с Люси поняла: необходимо взять себя в руки. Я купила курицу и овощи, а дома принялась готовить жаркое по-азиатски. Собралась порезать огурец и снова заметила свои заметки. Как колоду карт, я разложила их на мраморной поверхности и стала анализировать, что могла упустить из виду. Ничего нового в голову не приходило. Еще раз сменила порядок их расположения и только тогда случайно бросила взгляд на обеденный стол, вздрогнув от неожиданности. На нем по-прежнему стояла квадратная ваза, полная тюльпанов. Утром цветы уже не только полностью раскрылись, но и начали вянуть. Но я оставила все как есть, подумав, что выброшу потом засохший букет.

Но теперь цветы оказались совершенно свежими, крепкие фиолетовые бутоны набирали силу, чтобы раскрыться, а глянцевые листья вытянулись, как солдаты по стойке «смирно».

У меня все поплыло перед глазами. Неужели я сходила с ума? Но я прекрасно помнила, что утром цветы выглядели полумертвыми. Мне не хотелось даже прикасаться к ним, потому что приходилось спешить, и я решила избавиться от них по возвращении домой вечером. В последнее время меня слишком занимали другие дела, чтобы менять в вазе воду. Утром она была мутной, а некоторые листья уже отделились от стеблей и плавали в затхлой воде.

Какие-то лепестки скрутились, другие склонились вниз и почти касались поверхности стола.

[Купить полную версию книги](#)